

РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Александр Тамоников

БЕЛЫЙ ЦАРЬ –
ИВАН
ГРОЗНЫЙ

КНИГА 1

Александр Тамоников

**Белый царь – Иван
Грозный. Книга 1**

«ЭКСМО»

2014

Тамоников А. А.

Белый царь – Иван Грозный. Книга 1 / А. А. Тамоников —
«Эксмо», 2014

Роман-эпопея об одном из величайших правителей Руси царе Иоанне IV Васильевиче, прозванном Иваном Грозным, представляет яркую, многоплановую картину далекого прошлого нашей страны и раскрывает сложные взаимоотношения народов той эпохи, неимоверными усилиями которых создавалась Российская империя. Властный, непредсказуемый, прозорливый самодержец, пожалуй, впервые представляется читателям живым, ранимым, страдающим человеком, который взвалил на себя величайшую ответственность за судьбу родины. Успехи русского царя во внешней и внутренней политике настолько впечатлили и изумили всех монархов того времени, что они вынуждены были всерьез считаться с интересами Руси. С нашими интересами...

© Тамоников А. А., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

От автора	5
Вступление	6
Глава 1. Загородная прогулка	8
Глава 2. Друзья	20
Глава 3. В походе на Казань	37
Глава 4. Долгожданный наследник	56
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Александр Тамоников

Белый царь – Иван Грозный.

Книга 1: роман в 2 т

Тем, кому не стыдно жить в своей стране

От автора

Роман «Белый царь Иван Грозный» представляет собой литературно-художественное произведение, следовательно, исторические факты в нем тесно переплетены с авторским воображением. В текст включены персонажи вымышленные, но олицетворяющие те или иные сословия, сложившиеся на Руси в XVI веке. Здесь описаны и события, которые не запечатлены в истории становления Российского государства, но, следуя логике, могли иметь место на разных этапах периода царствования Ивана IV Васильевича.

Хочу отдельно заявить, что не имел ни малейшего намерения принизить чье-либо национальное достоинство и честь. Я уважаю право каждого человека принимать и исповедовать ту или иную веру.

В романе сознательно изменены названия некоторых городов, сел, деревень. В незначительной степени смещены даты событий, упрощены способы и порядок доставки грамот, донесений, сообщений с окраин в столицу государства. Это сделано исключительно в целях создания целостности произведения и облегчения восприятия читателем текста романа.

Консультант по вопросам истории – Пшенко Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Государственного университета управления.

Консультант по теологическим вопросам – протоиерей Дмитрий Гольцев, кандидат богословия.

Вступление

История России не знала правителя, который по своим заслугам перед государством мог бы сравниться с первым русским царем Иваном IV Васильевичем, представителем славной династии Рюриковичей. Кроме него и, пожалуй, последнего русского царя Николая II вряд ли найдется другой правитель великой Руси, на которого после его смерти было бы вылито столь же много грубой, циничной, грязной клеветы. Его имя стало воплощением страстного, в какой-то степени болезненно-навязчивого желания некоторых властителей более поздних времен, их придворных историков-летописцев, ну и, естественно, западных свидетелей кровавой тирании безумного православного монарха исказить правду об Иване IV.

Вот что писал в книге «Самодержавие Духа» митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн (Снычев):

«Решающее влияние на становление русоненавистнических убеждений «русской науки» оказали свидетельства иностранцев. Начиная с Карамзина, русские историки воспроизводили в своих сочинениях всю ту мерзость и грязь, которыми обливали Россию заграничные «гости», не делая ни малейших попыток объективно разобраться в том, где добросовестные свидетельства очевидцев превращаются в целенаправленную и сознательную ложь по религиозным, политическим или личным мотивам... С легкой руки Карамзина стало считаться признаком хорошего тона обливать эту эпоху черной краской».

Русский социолог, публицист и литературный критик второй половины XIX века, один из редакторов журналов «Отечественные записки» и «Русское богатство», по убеждению народник, близкий в конце семидесятых годов к революционно-террористической народнической организации «Народная воля», Николай Константинович Михайловский, не имевший никаких оснований симпатизировать русскому самодержавию, все же признавал:

«Наша литература об Иване Грозном представляет иногда удивительные курьезы. «Солидные историки», отличающиеся в других случаях чрезвычайной осмотрительностью, на этом пункте делают решительные выводы, не только не справляясь с фактами, им самим хорошо известными, а... даже прямо вопреки им: умные, богатые знанием и опытом люди вступают в открытое противоречие с самыми элементарными показаниями здравого смысла; люди, привыкшие обращаться с историческими документами, видят в памятниках то, чего там днем с огнем найти нельзя, и отрицают то, что явственно прописано черными буквами по белому полю».

Возникает вопрос, почему именно Иван Грозный стал мишенью для ядовитых стрел клеветы со стороны властителей страны и их историков?

Мы слышим в ответ рассуждения о загадочности, противоречивости первого русского царя, даже о мифическом раздвоении его личности. До определенного времени правление Ивана IV, одного из самых просвещенных монархов XVI века, якобы было блистательным, ознаменованным великими достижениями, поражавшими воображение и консервативных политиков западных держав, и надменных вельмож юго-восточных ханств. А после русский царь неожиданно меняется. Все тот же Карамзин представляет его кровавым безумцем, настоящим исчадием ада.

Однако вот что следует из описания всей эпохи правления Ивана IV митрополитом Иоанном (Снычевым):

«Обремененный делами Иван Грозный не знает иных утех, кроме совести мирной, кроме удовольствия исполнять свою обязанность; не хочет обыкновенных прохлад царских. Ласковый к вельможам и народу, любя, награждая всех по достоинству, щедростью искореняя бедность, а зло – примером добра, сей Богом урожденный Царь желает в день Страшного суда

услышать глас милости: «Ты еси царь правды!» И отвечать с умилением: «Се аз и люди яже дал ми еси Ты!».

Ответ же на заданный вопрос, по-моему, очевиден. Во-первых, Иван IV Васильевич Грозный за все время своего правления постоянно отстаивал интересы всего народа, а не отдельных боярских кланов. Понятно, что это не вызывало особого восторга у монархов и знати последующих поколений, включая и многих представителей современных чиновников, честнейших во всех отношениях, ставших новой знатью, новыми князьями и боярами.

Во-вторых, ни один из русских царей, правивших после Ивана Грозного, не сделал для родного государства больше, нежели он. Взять, к примеру, его реформы, действительно необходимые, продуманные, а главное, доведенные до логического завершения во благо всего российского общества. Величие Ивана Грозного, подлинное, а не надуманное, не давало покоя царственным особам. Признать заслуги Ивана IV означало расписаться в собственной несостоятельности и неспособности достичь того, чего в свое время добился первый русский царь. Куда проще принизить его значение в истории России, тем более что под рукой всегда имеются верноподданные историки, получавшие, кроме прочих благ, возможность на клевете сделать свою научную карьеру.

И они трудились на славу. В результате, по словам митрополита Иоанна (Снычева):

«Желание показать эпоху Ивана Грозного в наиболее мрачном свете превозмогло даже доводы здравого смысла, не говоря о полном забвении той церковно-православной точки зрения, с которой лишь и можно понять в русской истории хоть что-нибудь... Но, в отличие от историков, народ верно понял своего Царя и свято хранит его память».

В этой книге я попытался показать правление первого русского царя, основываясь главным образом на логике всех событий и деяний времен царствования Ивана Васильевича. Я ни в коем случае не претендую на истину в последней инстанции, а также прекрасно понимаю, какой негатив вызовет роман в среде придворных историков и их наставников. Но насколько удалась моя работа, решать только Вам, уважаемый читатель!

Глава 1. Загородная прогулка

*Научи меня, Боже, любить
Всем умом Тебя, всем помышлением,
Чтоб и душу Тебе посвятить,
И всю жизнь с каждым сердца биеньем.
Научи Ты меня соблюдать
Лишь Твою милосердную Волю,
Научи никогда не роптать
На свою многотрудную долю.
Всех, которых пришел искупить
Ты Своею Пречистою Кровью,
Бескорыстной, глубокой любовью
Научи меня, Боже, любить!*

К. Р. (великий князь Константин Константинович Романов)

Чудо сопровождает Россию сквозь века. В конце X века вошли в купель святого крещения племена полян, древлян, кривичей, вятичей и иных славян. Вышел из купели – русский народ, в течение шести веков (с X по XVI) вдумчиво и сосредоточенно размышлявший о месте Святой Руси в мироздании, пока, наконец, в царствование Иоанна IV не утвердился в своем национально-религиозном мировоззрении. И все это вопреки обстоятельствам, возможностям, выгоде, расчету.

С этого «вопреки» и начинается Русская История.

Высокопреосвященнейший Иоанн (Снычев), митрополит Санкт-Петербургский и Ладозжский

Жарким июльским днем 1520 года от Рождества Христова, во времена правления великого князя Василия III, город покинули два всадника и двинулись по берегу Москвы-реки. По ярким цветным рубашам, сафьяновым сапожкам, вставленным в стремени породистых, мускулистых, ухоженных скакунов, всяк видел в них людей знатного происхождения. Они ехали медленно, неспешно переговариваясь. Величая Москва-река несла рядом с ними чистые, светлые воды, играющие серебристыми солнечными бликами. По ней вниз по течению, к Оке, шли разные суда, сновали многочисленные лодки.

Всадники были молоды. Одному, Федору Колычеву, исполнилось только тринадцать лет, его товарищу, Дмитрию Ургину, – четырнадцать. Но они выглядели гораздо старше. В то время дети взрослели рано. Молодые люди покинули Москву, чтобы развеяться, подыскать удобное место и искупаться.

– Митя! – обратился к старшему товарищу Федор. – А глянь-ка на затончик справа. Место вроде неплохое.

– Нет, там осока да тина.

– А что нам тина? Пройдем сквозь заросли на открытую воду.

– Нет, Федя, давай посмотрим, что будет далее. Спешить-то нам все одно некуда.

– Так оно так, но ты погляди назад.

– А что там? – Дмитрий обернулся. – Небо заволакивает. Тучи грозовые! Да, шустро. Недавно черной полоской виднелись, а сейчас поднялись высоко. Сполохи сияют. Туча огибает Москву и идет сюда.

– Ничто, – беспечно ответил Дмитрий. – Глядишь, мимо нас пройдет. Ты лучше вперед глянь. – За балкою показалась роща. – Там остановимся, передохнем. Потом видно будет, искать купалище или возвращаться.

Федор согласился с Дмитрием. Всадники въехали в небольшую рощу и спешили.
Дмитрий расстегнул ворот и сказал:

– Ну и жара! Вчера полегче было.

– Жара – невелика беда. Душно, безветренно и тихо! Как бы буря не разыгралась.

– Да, – проговорил Дмитрий. – Такая тишина не к добру. Так не искупаться ли нам, Митя, пока можно? С этой стороны мелководье, берег песчаный. А разыграется гроза, в роще и укроемся.

– Может, вернемся?

Дмитрий посмотрел на небосклон, который уже наполовину затянулся свинцовым пологом, временами разрываемым вспышками молний. Стали отчетливо слышны раскаты грома, еще слабые, но затяжные.

– Нет, Федя. До города мы добратся не успеем, искупаться тоже. А что у нас по берегу?

– Деревушка недалеко. Видишь, в лощинке у заводи?

– Воистину деревушка. Дворов десять, никак не более. Но укрыться там можно понадежнее, нежели в роще. Тут промокнем насквозь, как ливень накроет.

– Так чего ждать? Едем! А искупаться и потом успеем.

– Давай в деревню, – согласился Дмитрий.

Молодые люди вскочили в седла. Кони, видимо, чувствовали приближение бури, вели себя беспокойно. Но всадники заставили их скакать к деревушке. Заметно посвежело, в воздухе чувствовалась влага. Солнце неожиданно скрылось, расплылось в небе бесформенным пятном.

На полпути всадников догнал сильный порыв ветра. Он ударил в спину, сбил шаг коней. Поднялось облако пыли, песчинки хлестнули по лицам. Оглушительным раскатом прогремел гром. Ветер завертел, закружил пыль, отчего дороги не стало видно. Прогрохотал еще более сильный раскат. В ветлу, что росла недалеко, ударила молния, яркая, как солнце. Дерево взялось огнем, от корней до кроны превратилось в пылающий столб.

– Ничего себе! – крикнул Дмитрий. – Только этого нам не хватало. Вернемся в рощу?

– Какую рощу? – прокричал в ответ Федор. – Оттуда и прет ураган. Путь у нас один – к деревне.

– А ты ее видишь?

– Кони вынесут!

Дмитрий крикнул своему вороному:

– Ну-ка, Коршун, выручай хозяина!

Но кони и без команды понесли наездников к жилью.

– А чего дождя нет? – прокричал Дмитрий.

– Будет тебе, Митя, не просто дождь, но и настоящий ливень.

Первые сильные порывы ветра подняли серое облако и сразу снесли его в поле. Ураган с грозой не ослабевали, но пыль уже не забивала рот и глаза, видимость улучшилась. Всадники влетели в деревню Кулиши, под очередной раскат грома остановились.

Дмитрий указал на ближайший дом справа и крикнул:

– Туда, Федя! Там и изба больше, и хлев есть, где можно коней спрятать.

Но укрыться нашим героям не пришлось.

В край деревни вонзилась ослепительная огненная стрела молнии. По ушам тут же ударил сильнейший раскат грома. Кони шарахнулись, закружились, заржали. Потянуло дымом.

– Неужто загорелось что-то? – крикнул Федор.

– На околице изба вспыхнула. В нее, наверное, попала молния.

– Да, вижу впереди. Ух ты! А взялась-то как быстро.

Сквозь ветер от околицы донесся отчаянный женский вопль:

– Помогите, люди добрые! Горим! Детки в избе! Спасайте!

– К горящей избе, Митька, да живее! – крикнул Федор и пришпорил своего коня.

Всадники оказались у крайней избы за считанные мгновения. По пути они едва не сбили с ног девчушку, бежавшую к соседнему жилью. Она чудом выскочила прямо из-под копыт коней, несущихся во весь опор.

На улицу выскочили люди. В большинстве бабы, мужиков всего четверо, да и те замерли в растерянности. Крайняя изба была объята пламенем. Молодые люди соскочили с коней, бросили поводья на столб, торчавший у одинокой липы.

Дмитрий крикнул мужикам:

– Чего встали как идолы? Быстрее тащите воду.

– Разве можно такой факел погасить? – услышал он в ответ.

Женщина упала на дорогу, протянула руки к огню и продолжала кричать.

Ее вопли срывались на хрип:

– Детки там! Люди добрые, помогите!

Заголосили и другие бабы.

Дмитрий рявкнул на мужика:

– Имя?

– Егор!

– Я кому сказал, воды! Или ты, Егор, вместе с товарищами кнута опробовать решил? Бегом к колодцу. Ну!

Мужики пришли в себя и бросились кто куда.

На дороге билась в отчаянии женщина, дети которой находились в горящем доме.

– Детки! Ванятка, Мишаня, Ольгушка!..

– Поднимите ее, оттащите с дороги, – крикнул Федор бабам, потом повернулся к товарищу и сказал: – Дети, Митя, сейчас живыми сгорят!

– А мы, Федя, на что? Ужель дадим погибнуть мальчикам?

– Огонь сильный, изба быстро повалится.

– Он пока поверху гуляет. Но, если промедлим, внутри возьмется. Вот тогда мы точно ничего уже не сможем сделать.

– Солома горит.

– Осыплется пеплом. Лишь бы ветер не изменился, не понес искры на соседнюю избу, куда деваха зайцем нырнула. Но где мужики? Да чтоб им сквозь землю провалиться!

– В огонь пойдем?

– Я пойду! – заявил Дмитрий. – Ты стань возле оконца, что на улицу выходит. Детвору принимать будешь. Мне одному через дверь их не вынести.

– Нет, Митька, тебе без меня так и этак не управиться. Посему в избу пойдем вместе. У оконца и двери мужиков поставим.

Дмитрий посмотрел в лицо другу, хотел было возразить, да передумал. Взгляд Федора строг, сосредоточен, бесстрашен, губы сжаты.

– Ладно, будь по-твоему. А вот и вода!

– Одной воды мало. Надо чем-то укрыться от пламени.

– Так с мужиков рубахи сдерем. Свои, шелковые, надо снимать.

Парни быстро сбросили нарядные рубахи.

Мужики тащили восемь ведер воды. Порыв ветра, ослабевающего, но еще сильного, вдруг сбил Егора с ног.

– Тебя за чем посылать можно, топтыга? – воскликнул Дмитрий. – За медом? Быстро скидывай рубаху!

– Зачем отнимаешь? – спросил Егор, подымаясь.

– Скидывай, говорю! – Дмитрий повернулся ко второму мужику с окладистой бородой. – Теперь ты!.. Как тебя величать?

– Тит.

– Ты, Тит, тоже снимай рубаху. Да шевелитесь вы, черти нерасторопные!

Мужики подчинились. Парни напялили на себя рубахи, закрыли холстом головы.

– Выливайте на нас ведра, – приказал Дмитрий. – Двое бегите обратно за водой, а ты, Егор – к уличному оконцу. Там жди, покуда не окликнем. Ты, Тит, становись у крыльца. Мы в избу. Оттуда будем детей передавать. Ясно?

– Да! – Мужики закивали космами сваявшихся волос. – Ясно!

– Тогда вперед, с Богом!

Подготовка к спасению детей заняла слишком много времени в описании. В реальности все происходило быстро. Да и ветер, раздувающий пламя, гнул его в сторону поля, пока еще не давал ему пробиться внутрь избы. Федор и Дмитрий обрядились в мокрые мужицкие рубахи, взлетели на крыльцо и ворвались в дом. Они тотчас оказались в сплошном дыму.

– Митька! Ищи вход в горницу!

– А чего его искать? Тут он, возле меня. Дыму-то! Как бы не задохнулись ребятки!

– Не должны.

Из сеней молодые люди пробились в горницу.

Федор помнил, как называла детей мать, обезумевшая от горя, налетел на лавку, отбросил ее в сторону и крикнул:

– Ванька, Мишка, Ольга! Где вы? Отзовитесь!..

– Тут я, – раздался рядом с Федором девичий голосок.

– Где? – Федор почувствовал, как крохотные ручонки ухватились за его штаны. – Митька, деваха есть! Я к окну!

– Давай. Ванька, Мишка!.. – продолжал искать других детей Дмитрий.

Федор пробился к оконцу и крикнул на улицу:

– Егор?..

Мужик ответил:

– Тут я!

– Принимай девочку.

– Как? Подойти не могу.

– Лови. Кидаю! – Федор бросил девочку в оконце и услышал голос мужика:

– Ага! Поймал!

– Передай ее бабам, сам становись обратно к окну.

– Угу!

Федор пошел назад.

Ветер, до сего времени помогавший спасателям, неожиданно изменил направление. Огонь тут же захлестнул бревна.

– Митька, что у тебя?

– Ничего. Изба малая, понаставлено всего много. Мальцы не отзываются. Может, в обмороке? Дым такой, что хоть сам выскакивай на улицу.

– Нельзя, Митя. Искать надо.

– Да ищу! Федька, бревно сверху валится. Берегись!

Федор отскочил в сторону, налетел на какой-то то ли короб, то ли сундук, ударился о печь. На него свалилась кочерга. Она-то и спасла жизнь молодому человеку. Федор схватил ее и отбил горящее бревно, падавшее на него. Кочерга согнулась, но деревяшка отлетела в сторону.

Федор тут же услышал слабый голосок, донесшийся откуда-то сбоку:

– Мамка! – За этим словом последовал неудержимый кашель.

– Митька, есть парнишка. Уж не знаю, который из двух.

– К окну прорвешься?

– До него недалеко.

- Где же третий?..
- Я сейчас, Митька. – Федор вынес ребенка к оконцу и позвал: – Егор!
- Тут я.
- Лови парнишку. Потом имя его назовешь.
- Ага.
- Федор выбросил мальчонку на улицу и услышал:
- Поймал! Мишка это, средненький из детей Фрола и Анисьи. Только ты гляди, молодец, больше к окну не подходи. Еще чуть, и пламя закроет его. Вся стена полыхает.
- Я понял тебя, Егор. Уходи с дитем. Мы будем через сени и крыльцо пробиваться.
- Так и сени полыхают. Ветрище подул на соседний двор. Там пока еще...
- Федор не стал более слушать мужика, двинулся назад, в горящую избу, и крикнул:
- Митя!
- Да?
- Как ты?
- Да куда живой! Кашель измучил, дышать нечем. Глотнуть бы свежего воздуха да облиться водой, а то припекает!
- Митька, сени горят.
- А окно?
- И его огонь отрезал. У нас один путь – сквозь пламя по сеням.
- Ага! Если не задохнемся.
- Проси Бога, Митька. Он поможет! Тут остался Ванька, младший из мальцов.
- Знать бы еще, где он. Ванька! – крикнул во все горло Дмитрий. – Отзовись же. Или все сгорим в избе! Тебя мамка на улице ждет. Ванька!
- Ответом ему была тишина.
- Где же он, Федька? Я эту половину уже всю излазил. Ванька не откликается. Нам пора уходить. Скоро изба повалится. Или мы тут задохнемся.
- Нельзя уходить, Митя! Искать надо! Негоже нам бросать ребенка в огне. До конца жизни не простим себе, что оставили его одного умирать страшной смертью.
- Если он еще жив и мы сами не сгорим.
- Значит, такова воля Божья. Ищем, Митя!
- Чтоб его!..
- Что, Митя?
- Еще одно бревно рядом хлопнулось. Изба валится.
- Ты не пострадал?
- Так, чуть задело. Переживу. Ты у печи, Федя, еще погляди, а я – вдоль стен.
- Давай.
- Но Федор не успел выйти к печи. Задняя стена рухнула. Вся изба перекосилась и не повалилась только чудом. Ветер разорвал дым и бросил внутрь глоток чистого воздуха.
- Тут Федор услышал крик Дмитрия:
- Вот он! Под лавку забился.
- Живой?
- Да! Сиднем сидит, глазами хлопает.
- Хватай его, Митька, и беги к сеням. У выхода меня дожись. Я дорогу пробью, если там все горит.
- Давай.
- Федор вышел к сеням. За ним держался Дмитрий с ребенком на руках.
- Федор перекрестился и сказал:
- Ну, последний рывок. С Богом! – Он выскочил в сени, объятые огнем.

Если бы друзья задержались в избе еще на какую-то минуту, то вряд ли пробились бы сквозь сплошной огонь, сами вспыхнули бы, как сухой бурьян. Но они успели выйти в сени, когда между горящих стен еще оставался проход, узкий, задымленный, но не охваченный пламенем.

Федор рванулся к двери, выскочил на улицу и сбил наземь Тита, стоявшего возле дома. Следом за ним выпрыгнул и Дмитрий. Он упал рядом с Федором, но сумел поднять ребенка над собой. Рубаха на нем горела. Бабы подбежали к нему и выхватили мальчонку из рук. Изба тут же рухнула. Дмитрий перекатился по земле, сбил пламя. Он так и лежал на спине, жадно вдыхая пыльный, но бездымный воздух.

К нему, кашляя, подбежал Федор, нагнулся над другом и спросил:

– Ты живой?

Дмитрий улыбнулся.

– А что мне будет? Лихо ты, Федя, выход пробил. Тит вон до сих пор сидит, башкой крутит, в себя прийти не может. Да и отбить кочергой бревно не всякий сумеет.

– Я же говорил, Бог нам поможет. Так оно и вышло. Ты не обгорел?

– Так, самую малость. Пламя не успело как следует приласкать меня.

– Сними рубашку, покажи ожоги.

– Да какие ожоги, Федя? Ерунда все это. Главное, что мы с тобой детей вынесли. А Егор теперь без рубахи остался.

– Нашел о чем думать!

Казалось, все было кончено, но тут опять неожиданно раздался истошный крик:

– Изба кузнеца огнем взялась! А там Анька больная с дочкой.

Ветер резко изменил направление. Огонь с соседнего двора перекинулся на амбар, с него – на избу. Пока пламя лизало заднюю стенку, в общем дыму оно заметно не было. Но теперь ветер раздул огонь. Тот вмиг объял избу со всех сторон.

Федор очнулся и заявил:

– Еще не легче. Соседний дом горит.

– Да, вижу. Что мужики?

– Один сунулся было, но отступил. Придется опять нам лезть в огонь, Митя!

– Что ж поделать, друг Федя, если больше некому!

– Айда. – Дмитрий резко поднялся.

– Идем! – согласился Федор и крикнул Егору:

– Вода есть?

– Принесли.

– Давай сюда, обливай нас.

– Неужто опять в огонь пойдете?

– Можем тебе место уступить, – заявил Дмитрий и усмехнулся.

– Боже сохрани! Я не смогу.

– Лей воду, Егор.

Молодые люди, мокрые с головы до ног, бросились ко второй разгоревшейся избе. Они заметили, что бабы стояли у соседнего дома. Женщины никак не могли справиться с огнем, разбушевавшимся не на шутку. Но на все воля Божья.

Во второй избе, которая была побольше первой, друзьям искать никого не пришлось. Они сразу увидели в горнице сдвинутые скамьи, на которых лежала женщина, еще не старая, очень бледная и красивая. У печи на полу сидела девушка, лицо которой было измазано сажей.

Дмитрий подошел к женщине. Она смотрела на него, сжимая в руках икону. Огонь пробился внутрь горницы и расползлся по стенам.

– Оставьте меня, спасите дочь! – проговорила женщина. – Потолок горит, обрушиться может. Не губите себя из-за меня, хворой. Только дочку прошу вынести.

– Ну что ты такое говоришь, мать? А почему дочь сама не выскочила из избы?

– С ногой у нее что-то.

– Ага. Ну, я сейчас рогожей тебя прикрою, чтобы не опалило, и потащу на выход. – Он повернулся к другу. – Федька!..

– Да, Митя.

– Что у тебя с девицей?

– Сама идти не может, говорит, что ногу подвернула, а я вижу, дело хуже. Сломала она ее. Понесу.

– Гляди, потолок горит. Давай быстрее, а то рухнет изба-то.

– Выноси мать, я следом с дочкой.

– Угу.

Дмитрий поднял на руки женщину, которая показалась ему совершенно невесомой, удивился данному обстоятельству и пошел к выходу. Федор взял на руки девочку, стонавшую от боли, и двинулся следом.

Вроде все шло гладко, не так, как в первой избе, однако в этом доме молодых людей ждал неприятный сюрприз. Дверь, ведущая из горницы в сени, отчего-то захлопнулась. От жара она теперь оказалась перекошенной, оттого плотно закрытой. Дмитрий ударил по ней ногой, но без толку. Створка не поддавалась. Огонь все сильнее разгорался внутри. От дыма становилось нечем дышать, жар грозил потерей сознания, неминуемой гибелью.

– Федька! – крикнул Дмитрий другу. – Дверь мне не выбить, потому как бабу на руках держу и на пол опустить не могу. Давай ты!

– Сейчас. – Федор взглянул на девушку, прикусившую губу и закрывшую глаза. – Эй, красавица, очи открой.

Девушка подняла веки и прошептала:

– Больно!

– Я знаю, что больно. Но все пройдет. Нам пора отсюда выбираться. Друг держит на руках твою мать и дверь открыть не может. Придется мне. Я тебя отпущу на пол, ненадолго. Ты не бойся, заберу. Хорошо?

– Да! – проговорила девчушка лет двенадцати-тринадцати.

– Вот и хорошо.

Дмитрий поторопил товарища:

– Федька, ты любезничай, только иногда наверх поглядывай. Доски прогорели. Еще немного, и кровля на нас рухнет. С кем тогда рассусоливать станешь? Если только с ангелами на небесах!

Федор опустил девушку на пол, обошел Дмитрия, державшего на руках женщину, и навалился на дверь. Та вылетела вместе с петлями и коробом. Из сеней ударило пламя.

Федор едва успел увильнуть и сказал:

– Плохи дела, Митька. Вход-то я открыл, да в сенях топка!

– Что ты предлагаешь? Ждать, пока кровля нас накроет? Все одно другого пути, чтобы выбраться из этой геенны огненной, у нас нет!

– Это точно. погоди, я подыму девчонку, и будем пробиваться через огонь. Мужики бы догадались с той стороны воды припасти.

– Может, и догадались, кто знает? Нет, так придется нам испечься, как поросенкам.

– Ты еще находишь силы шутить?

– Признаюсь, Федя, последние. Голова кружится, в глазах круги. Давай быстрее, а то тебе и меня придется тащить. Хотя нет, вернуться за мной ты уже не успеешь.

– Не болтай попусту. Пробьемся!

– Если только с Божьей помощью. Господи всемогущий, не оставь нас в беде, спаси и сохрани!

Федор поднял девушку на руки. Она вновь застонала от боли и прикусила губу, из которой на руку парня упали алые капли крови.

– Держись, красавица. – Он нагнул голову, прижал девушку к себе, прикрыл ее рубахой, насколько это было возможно, и вошел в пылающие сени.

Федор пролетел сквозь жар, языки пламени, треск пожара, миновал сени и выскочил на улицу. Следом появился и Дмитрий с женщиной на руках. К ним сразу же бросились мужики с ведрами и обдали водой, отчего парням стало гораздо легче.

Федор передал девушку Егору и сказал:

– Отнеси ее куда-нибудь в избу и позови знахарку, коли есть на деревне такая. У девушки сломана нога.

– Ага! А знахарка у нас есть. Авдотья. Я поκληчу ее.

Женщину, которую Дмитрий вынес из огня, мужики положили на кошму, постеленную прямо на землю. Она молилась, просила Бога неведомо о чем.

Через несколько мгновений гроза прекратилась, ушла на юг. Стали затихать гром и ветер. На деревню вдруг обрушился ливень. Сильный, но настолько короткий, что люди не успели разбежаться, спрятаться от него, а вот пожар был потушен. Из-за облаков, сменивших черную грозовую тучу, как ни в чем не бывало выглянуло солнце, такое же яркое и жаркое, как и прежде.

Дмитрий попросил напиться. Какой-то мужик тут же принес ему ковш кваса. Он утолил жажду, стал искать взором друга и увидел Федора, стоявшего рядом с Егором.

Тут к нему подошла женщина, жительница деревушки, и сказала:

– Молодец! Аннушка с тобой и товарищем твоим говорить хочет.

– Что за Аннушка?

– Та, которую ты вынес из горящего дома, жена кузнеца. Пойдете, или сказать, что не желаете?

– Отчего же не желаем. Сейчас и пойдем.

Дмитрий подошел к Федору и передал ему просьбу женщины.

– Что ж, можно поговорить. А где она? – спросил тот.

– Ее в соседний двор перенесли, – ответила женщина.

– Она и в доме выглядела больной. Чем хворает?

– Кто знает. Как-то сразу сникла, потом слегла. Знахари смотрели, лечили, да ничего толком у них не получилось. На глазах тает Аннушка.

– Это я заметил, – проговорил Дмитрий. – Веса в ней почти нету. Невесомая, прямо как облако.

Женщину, которую вытащил из огня Дмитрий, мужики перенесли к дому, где были привязаны кони парней. Она лежала на рогоже, под головой валик, руки сложены на груди, в них икона и образок на нитке.

Юноши присели на корточки рядом с ней.

– Ты хотела нас видеть, мы пришли, – сказал Федор.

– Да, благодарствую за все, что вы сделали. Особо за спасение дочери. Возьми. – Она протянула Федору икону чудотворца Николая. – Пусть она хранит тебя и весь твой род. – Женщина взглянула на Дмитрия и продолжила: – А ты прими образок. Я с малолетства его не снимала. Теперь ты носи. Он отведет беду.

– Не надо бы, – смущенно проговорил Дмитрий.

– Послушай меня, молодец. Вижу, ты знатного рода. Жизнь у тебя впереди непростая, но ты все выдюжишь, через все пройдешь. Путь твой славен будет. А образок еще ой как поможет тебе. Я вижу!..

– Он сейчас тебе самой нужен.

– Нет! Я больна, мне уже не встать. Скоро предстану перед судом Божиим. Я чиста перед Всевышним, мне не страшно. Быстрее бы уж Господь забрал к себе. Вам же, молодцы, жить надо. Пусть Бог хранит вас. А сейчас ступайте, устала я.

Дмитрий надел образок на шею, Федор взял икону в руки. Парни поднялись, занесли женщину в избу и вышли на улицу. Вокруг них собрался народ. Кто-то подал им шелковые рубахи. Юноши оделись.

Из толпы вышел Егор и замялся.

– Что тебе? – спросил Дмитрий.

– Да вот голову ломаю, как мне теперь без рубахи обходиться. Одна она у меня была. Нет, мне не жалко, на дело пошла, но в исподнем тоже ходить по улице не будешь.

– Я бы тебе, Егор, свою отдал, но нельзя мне в город голяком ехать. Погоди-ка. – Он достал из штанов несколько монет. – Держи. Этого хватит, чтобы три новые рубахи справить.

Федор тоже дал Егору денег и сказал:

– Передай Титу. Он, как и ты, без рубахи остался.

Вперед вышла дородная женщина, встала перед мужиком, подбоченилась и возмущенно воскликнула:

– Да как ты можешь деньги брать у молодцев, которые детей Фрола и Анисьи, да и Аннушку с дочкой спасли? Совести у тебя, Егор, нет. Неужто мы всей деревней вам с Титом рубахи не справили бы?

– Да я что, – вконец смутился мужик. – Я верну!

– Не надо, – сказал Федор. – Деньги ваши.

Анисья, мать спасенных детей, внезапно бросилась в ноги товарищам и заголосила:

– Скажите, как звать-величать вас, за кого мне теперь до конца дней своих Богу молиться?

Федор поднял женщину и сказал:

– Разве это так важно, кто мы и откуда? Главное, дети уцелели. Дома заново отстраиваются, добро с годами наживается, а вот людей, коли они погибнут, не вернешь. О них всегда в первую голову надо думать. А вы растерялись. Где все прочие ваши мужики?

– Знамо где, на ярмарке. Все же, прошу, назовитесь.

– Ты, Анисья, Господа за спасение детишек благодари. Мы – лишь орудие в руках Всевышнего. Рабы Божьи, как и все вы здесь, как и весь народ наш.

– Прошу, назовитесь, – продолжала настаивать женщина. – Мне это нужно.

Дмитрий вздохнул и сказал:

– Ладно, а то ты ведь не отстанешь. Я Дмитрий, товарищ мой – Федор.

– Благодарствую. А не поранился ли ты, молодец? Смотрю, боль в глазах твоих.

Дмитрий улыбнулся женщине, перевел взгляд на хорошенькую девушку, стоявшую рядом, подмигнул ей и сказал:

– А и поранился, то до свадьбы заживет. Да, красавица?

Девушка в смущении спряталась за спины мужиков.

– Не волнуйся за меня, Анисья, детей береги, одних дома не оставляй. Судьба, она, видишь, какой крендель может выкинуть.

– Сберегу! Теперь никуда от себя не отпущу. Великое спасибо вам, Федор и Дмитрий.

– Да не за что! Прощевайте, люди, нам на Москву, домой пора, да хранит вас Господь!

Федор и Дмитрий вскочили на коней и направились к выезду из деревушки. Ее жители все как один провожали их благодарными взорами и крестились.

Вскоре молодые люди доехали до роши.

Дмитрий взглянул на друга, рассмеялся и сказал:

– Вот и погуляли. Искупались.

– Зато дело какое сделали! Без нас погибли бы люди. А искупаться можно и сейчас. Даже нужно. Поедем в храм, а туда в таком виде заходить негоже. Надо копать, грязь смыть, одежду почистить.

– Твоя правда, Федя. Купаемся.

Молодые люди соскочили с коней, привязали их к деревьям, спустились к месту, облюбованному ранее. Там они сбросили одежду и, поднимая ворох брызг, побежали в прохладную воду. Друзья прошли мель, потом поплыли. На середине реки их подхватила стремнина.

– Любо, Федька! – закричал Дмитрий.

– Любо, Митя, но давай вертаться, а то снесет течением к деревне, что напротив. Как потом на виду у всех голышом возвращаться к роце будем? Девки увидят, засмеют.

– Верно говоришь, Федя, пора и назад.

Они вырвались из сильного потока, а дальше поплыли не спеша. На отмели приятели натерлись глиной с песком, обмылись. Потом юноши вышли на берег и почистили одежду.

Дмитрий потянулся и сказал:

– Эх, Федька, хорошо! Так бы и провел здесь весь оставшийся день. Куда лучше, чем в городе задыхаться.

– Да, – согласился, Федор. – На Москве нынче тяжело, людно, но надо ехать в храм.

– Надо, поехали.

Вскоре Федор Колычев и Дмитрий Ургин мчались на своих скакунах к Москве. На дороге они встретили довольно много народу. Люди из близлежащих городов, сел, деревень возвращались домой с ярмарки. На телегах царило веселье. Видно было, что день у этих людей выдался удачным.

К храму друзья подъехали, когда обедня уже закончилась. Несмотря на это, нищих на паперти не убавилось. Молодые люди оставили коней у частокола, под присмотром невзрачного с виду, в чем-то убогого мужичка. Раздавая мелочь и крестясь, юноши вошли в храм, там опустились на колени и начали молиться.

Дмитрий Ургин с некоторым удивлением смотрел на своего товарища. Тот истово, со слезами на глазах, шептал молитвы, крестился и клал земные поклоны.

Помолившись, молодые люди подошли к священнику под благословение. Они поставили свечи за здоровье своих близких и людей, спасенных сегодня в деревушке, за упокой тех, кто уже отошел в мир иной.

Когда друзья вышли из храма, Дмитрий перекрестился и спросил товарища:

– Федя, а чего ты плакал в храме? Вспоминал кого-то? Или горе какое еще не улеглось в душе?

– Нет, Митя, это были слезы великой радости.

– Радости? – удивился Дмитрий. – Так разве от нее плачут?

Федор взял товарищу под руку, отвел его в сторонку, в тень старой ветлы, и сказал:

– Знаешь, Митя, не ведаю, как ты, а я, приходя в храм, словно в мир иной попадаю. Такое чувство появляется, что и не знаю, как его объяснить. Будто тело мое остается на улице, среди мирян, а в храме одна душа. Гляжу на образа, а лики святых на меня смотрят. Мы с ними одно целое. Я молюсь и слышу слова святых. Понимаешь, они разговаривают со мной. Но не так, как в миру, а иначе. Оттого и становится так радостно, благостно, что слезы сами из очей ручейком светлым по щекам струятся. Я прошу Господа помочь укрепить мою веру, не дать ереси проникнуть в душу, отвести от греха вольного и невольного, а в ответ слышу: «Я с тобой. Молись крепче и сохранишь чистоту душевную, а с ней и веру незыблемую».

Дмитрий вздохнул и проговорил:

– А я вот ничего не слышу. Молюсь как все. То, что есть у тебя, мне не дано. Спору нет, в храме легко, светло, радостно. Но чувства, которые испытываешь ты, мне неведомы. Значит, Господь отвергает меня? Выходит, я не заслужил милости Всевышнего, так, Федя?

– Не так, Митя! Пред Богом все равны. Он прощает всех, кто искренне раскаивается в грехах. Просто, наверное, не каждому дано понять и осознать в полной мере милость Господа.

– Значит, ты понимаешь, осознаешь, а я нет?

– Может, и так, Дмитрий, только без обиды.

– Да какая уж тут обида! Ты у нас особый, книжки читаешь без принуждения, да какие! Даже отцы наши не все в них понимают. Ну да ладно. Что теперь делать будем? Заедем к нам, перекусим, коней накормим?

– А потом что? – спросил Федор.

– Я бы на ярмарку проехал, так она уже сворачивается. Может, по Москве еще погуляем, поглядим, как народ после торгового дня праздновать будет?

– Ладно, давай так и сделаем, – согласился Федор.

Молодые люди проехали к дому Ургиных, где их встретил Родион, слуга князя Михаила Ивановича, отца Дмитрия.

– Ты где, голубь, пропадал? – спросил он.

– Почему ты спрашиваешь, Родион?

– Потому, что батюшка твой очень недоволен был, когда не увидел тебя за обеденным столом.

– Гроза нас за городом задержала, Родион. В Москве бури не было, а за рекой деревни горели, избы рушились.

– Да ты что?

– Вот тебе, Родион, и что.

– То-то гляжу, одежда на тебе замытая.

– В реке постирался. Нам бы с Федором перекусить, Родион.

– Ступайте к Марфе, она вас пирогами попотчует.

Дмитрий обнял слугу за плечи и спросил:

– А батюшка, наверное, отдыхает после обеда?

– Прилег. Да и матушка тоже.

– Это хорошо. Мы быстро перекусим и обратно в город.

– Ты, Митька, человек вольный, я тебе не указ, но коня не дам! Смотри, полдничать не явишься, батюшка не на шутку осерчает.

– Знаю. Тогда и за конем Федора присмотри.

– Присмотрю, бедовая твоя голова. Чую, попадешь ты нынче под кнут отца.

– Крепче буду!

Родион улыбнулся и сказал:

– Ступайте уже, пока Михаил Иванович не встал.

Молодые люди прошли в светелку. Повариха Марфа накормила их пирогами с яйцами, грибами и горохом. Они запили еду квасом и спешно покинули большой дом князя Ургина.

Вскоре приятели вышли на площадь, где часто собирались парни и девушки того же возраста, что и Федор с Дмитрием. Жара немного спала, тени деревьев вытянулись. Молодежь по традиции устроила игры. В стороне у частокола девицы встали в круг. Одну из них вывели в середину, завязали глаза, недолго покружили ипустили.

– Глянь, Федя, девицы в ланту играть затеяли, – сказал Дмитрий. – Давай поглядим, угадает та из них, глаза которой закрыты повязкой, у кого жгут в руках.

– Поглядим, – согласился Федор.

Девушка пошла по кругу и остановилась возле одной из своих подружек.

Дмитрий воскликнул:

– Не та, дуреха!

Девушка ошиблась, за что тут же получила легкий удар жгута по спине. Она обернулась, указала на другую участницу игры, опять не угадала и вновь получила жгутом по спине.

– Да как же тут отгадать можно, если глаза закрыты? – спросил Федор. – Что это за игра?

– В каждой игре, Федор, есть смысл.

– Да? И какой смысл в ланте?

– Девушка ничего не видит, но выбирает, выражает свою слепую любовь. Вот ее и бьют, чтобы наказать за легкомыслие. Оно исправляется опытностью, приходящей через тяжелое наказание. Конечно, никакого наказания тут нет и в помине, а смысл есть!

Федор взглянул на товарища и спросил:

– А ты откуда про это знаешь?

– Я же вечерами не сижу за книжками, Федя, как ты, а по Москве езжу. Где в городки сыграешь, где в тычку. А девицы рядом, вот я их и наслушался. Вечером на Москве весело, Федя. Ой! Вон, погляди-ка. – Дмитрий указал на ребят, собравшихся толпой. – Там, кажись, веревку перетягивать собрались. Пойдем?

– А в этой игре какой смысл? – с усмешкой спросил Федор.

– А такой, что победа дается тому, кто сильнее. Так идешь?

– Нет, – отказался Федор. – Я лучше отсюда за вами погляжу.

– Ну и гляди!

Дмитрий подошел к ребятам и вскоре уже верховодил среди них. Они разбились на две команды и начали тянуть веревку, которая тут же не выдержала и порвалась. Парни повалились на землю. Расхохотались как игроки, так и зрители.

Смеялся и Федор, но перестал, когда к нему подошел Дмитрий. В его взоре парень увидел боль, скрываемую от других за напускной веселостью.

– Ушибся, Митя? – спросил Федор.

– Нет, но упал на спину, прямо на ожоги.

– Говорил же, надо было еще в деревне их посмотреть, показать людям. Уж у них нашлось бы чем их намазать, да и перевязать. Пойдем на посад под Варваркой. Там в крайней избе, если отсюда идти, знахарка живет. Бабка Катерина. Архип, слуга отца, не раз хвалил ее, говорил, что она чуть ли не все болячки лечит.

– О Катерине пол-Москвы знает. Отец мой тоже ее иной раз к себе зовет. Мне его расспросы о болячках ни к чему. Родион ожоги посмотрит да чего-нибудь придумает. Тогда и батюшка не узнает.

– Почему ты не хочешь ему правду сказать? Ведь мы не злое, а доброе дело сделали, людей, детишек малых от смерти лютой спасли.

Дмитрий не по-юношески серьезно взглянул на друга и сказал:

– Мы, Федя, сделали то, что должен был сделать любой русский человек. Хвалиться этим для меня зазорно.

– Вот всыплет тебе Михаил Иванович ремня за пропущенный обед, да еще и по болячкам, и все труды Родиона пойдут коню твоему Коршуну под хвост.

– Не всыплет, – уверенно сказал Дмитрий. – Он всегда только грозит, а потом отходит быстро.

– Тогда пойдем к вам. Заберу коня и поеду до дому. Мои тоже, наверное, волнуются.

Молодые люди вернулись в дом Ургиных. Дмитрий показал Родиону ожоги. Тот поохал, поахал и повел княжича в свою горницу.

Федор забрал коня и отправился домой. Москва же продолжала гулять. День ярмарки всегда праздник. На этом прогулка товарищей, полная приключениями, закончилась. Ближе к вечеру поутих и город.

Глава 2. Друзья

*То было в утро наших лет —
О счастье! о слезы!
О лес! о жизнь! о солнца свет!
О свежий дух березы!*

А. К. Толстой

Жизнь всякого народа, всякого человеческого сообщества зиждется на единстве мировоззрения, определяющего моральные, этические и религиозно-нравственные нормы поведения. Жизнь личная и семейная, общественная и государственная в равной степени зависит от того, что признается людьми допустимым, а что нет, что почитается за благо, а что за зло, какой смысл полагается в человеческом бытии и какова его высшая, вечная, непреходящая цель.

Иоанн (Снычев), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский

День 23 октября 1523 года от Рождества Христова выдался ненастным. Да и немудрено, осень на дворе. Северо-восточный, временами порывистый, пронизывающий ветер гнал по улицам, площадям, переулкам Москвы пожелтевшую, пожухлую листву, сброшенную деревьями и кустарниками. Свинцовые тучи обложили город со всех сторон, накрыли его мелким, но плотным, по-осеннему нудным дождем, то надоедливо спокойным, то хлещущим по лицам прохожих водяным бичом. Тучи висели низко, их лохмотья задевали кресты храмов.

Пенистые волны почерневшей Москвы-реки накатывались на пологие берега, бились об обрывы, кружились в водоворотах, покрытых рябью. Редкие лодки высокими носами рубили волны, спеша к берегам, к причалам. Люди стремились в жилища, в тепло.

В домах растопили печи, отчего над городом витал запах дыма, неподвластный ни дождю, ни ветру. На улицах народу было мало. Только из кабаков доносился гвалт подвыпивших мужиков, сменяемый заунывными песнями, нарушавшими шелестящую тишину города, угнетенного непогодой.

Вечерело. Федор Колычев зажег восковые свечи, и в горнице стало светлее, уютнее. Юноша шестнадцати лет от роду разложил на деревянном столе с резными ножками Библию, снял зипун и остался в белой шелковой рубахе, доходившей ему до колен и перехваченной на талии нешироким поясом. Он повернулся к киоту, где теплилась лампадка, и перекрестился на икону чудотворца Николая, три года назад подаренную ему женщиной, спасенной на пожаре. Потом Федор присел на дубовую лавку, покрытую ковром.

Слуга Архип постарался на славу, растопил печь так, что в горнице было жарко. Порыв ветра бросил на слюдяное оконце горсть мелких дождинок. Федор еще раз перекрестился и раскрыл рукопись.

Федор внешне ничем не отличался от своих сверстников. И все же промысел Божий наложил на юношу свой отпечаток, как бы предопределяя его воистину великое будущее самоотверженного служителя христианской веры и русской православной церкви. Всех, кто знал Федора, поражали его глаза, не по возрасту строгие, умные, немного печальные. Они говорили, что человек, не по возрасту мудрый, уже познал то, что не суждено. Эти глаза могли быть смиренными, спокойными, добродушно улыбчивыми и в то же время яростно пронзительными, выдававшими могучую внутреннюю силу молодого человека, способного на многие благие дела. Незаурядная сила духа Федора основывалась на крепкой вере в Господа Бога и сына его Иисуса Христа, принявшего на себя страдания за весь род людской ради его спасения и направления на путь истинный.

Федор являлся выходцем из знатного рода Колычевых. Предок его, боярин Иван Кобыла, был родоначальником многих знатных фамилий: Юрьевых, Шереметевых, Романовых. Отец Федора, Степан Иванович, по прозвищу Стенсур, являлся воспитателем младшего сына великого князя Василия Третьего Юрия, правившего в Угличе. Он готовил собственного старшего сына к государственной службе. Мать Федора Варвара, набожная и смиренная женщина, воспитывала его в духе христианского благочестия. Он усердно обучался грамоте по книгам Святого Писания.

В семье Степана Ивановича Колычева, кроме Федора, росли еще три младших сына: Прокопий, Яков и Борис. Федор к шестнадцати годам получил хорошее по тем временам образование, с детства любил книжное учение. Но в боярских семьях было принято готовить детей к воинской службе. Поэтому Федора обучали еще и военному искусству. Уже в пятнадцать лет старший сын Степана и Варвары Колычевых стал ратником, служащим в войске.

Все же Федор больше тяготел к учению и духовному совершенству, часами просиживал за старинными рукописями. Мирская жизнь не являлась чуждой для юноши, но и не особенно привлекала его. Страстное желание Федора узнать нечто новое, доселе неведомое, его великое трудолюбие и усидчивость удивляли многих знатных, умудренных жизненным опытом особ, служивших при дворе великого князя.

Матушка Федора всячески поощряла набожность сына, его тягу к знаниям. Отец же хотел иного. Как и большинство бояр, Степан Иванович желал видеть в Федоре вельможу, мнение которого было бы авторитетно в ближайшем окружении великого князя.

Федор поудобнее устроился на лавке, поближе пододвинул свечу и начал читать. В это время в горницу с шумом вошел его товарищ Дмитрий Ургин и вмиг заполнил собой всю комнату.

– Здравствуй, Федя, друг мой верный!

– Митя? – удивился Федор. – Откуда взялся? Я слышал, что уехал ты из Москвы.

– И кто же тебе это сказал?

– Я сказал! – произнес Архип, вошедший следом за Дмитрием Ургиним. – А ты, княжич, вел бы себя степеннее. А то, право слово, вваливаешься в дом как орда татар, коня бросаешь посреди двора челяди, кормите, мол, поите, да еще орешь во все горло. Не отрок уже, хватит баловаться.

Дмитрий повернулся к слуге и заявил:

– Ты, Архип, не вейся, как уж в осоке, и не заговаривайся. Отвечай, зачем соврал Федору?

– От бабки Матрены слышал, что вы с отцом, князем Михаилом Ивановичем, на охоту собирались. Да и не видать тебя было.

За слугу заступился Федор:

– Ты, Митя, на Архипа не гневайся, не ругайся. Все же он старше нас, а годы уважать надо. Разденься, охолопись да расскажи, где же тогда целую неделю пропадал.

Дмитрий снял кафтан и, как и Федор, остался в рубашке, только не домашней, белой, горничной, а цветастой, нарядной.

Он снял воротник-ожерелье, передал верхнюю одежду слуге и сказал:

– Ты не обижайся на меня, Архип, я не со зла.

– Да будет, княжич. Молодость, она такая, как вихор непослушный. Сколько ни заглаживай, а он все одно разлохматится. В сенях я буду, одежду просушу. Коли что, зовите!

Дмитрий поправил короткие, под цвет кафтана, сафьяновые сапоги на каблуках, углом срезанные к коленям, с загнутыми вверх носками. Такая обувь только входила в обиход знати.

Он подтянул пояс и сказал:

– Жарковато у тебя в горнице, Федя!

– Ничто! Жар костей не ломит.

Ургин присел на скамью и заявил:

– Дивлюсь я на тебя, Федя! Я даже на год постарше тебя, а ты говоришь так, будто тебе уже за сорок. А все из-за учености твоей. – Дмитрий кивнул на рукопись. – Гляжу, ты опять читать собрался?

– Собрался. Но ты так и не ответил, где пропадал целую неделю.

– Да хворал я, Федя, сильно. Неведомо где уж и подцепил этот недуг. Только он меня как младенца спеленал и на лавки свалил. Сила ушла, остались немощь, слабость, ломота в костях. В холод меня бросало так, что знахарка шубами накрывала, а согреться я не мог. Потом жар накатывал, я догола раздевался, будто в костре горел. Потчевали меня всякими снадобьями, травяными настоями, да все впустую. Думал, помру. Ан нет, отпустила хворь, а немощь в баньке вениками выбили. Потому и не видали меня на Москве. Надо же, слухи, как тараканы, тут же по всем углам разбежались.

Федор подошел к другу и спросил:

– Почему весть не подал, что захворал, держал меня в неведении, заставлял волноваться? Разве товарищи так поступают?

Дмитрий улыбнулся и сказал:

– Так я хотел как лучше, Федя.

– Но весточку подать мог?

– А зачем? Да я и не думал сначала, что хворь так скрутит, а потом не до того было.

– Ты больше так не делай. Нехорошо!

– Ладно, не обижайся. – Дмитрий кивнул на оконце. – Ну и погодка. Я вчера еще хотел к тебе заехать, когда дождь не лил. Да не добрался.

– Почему?

Дмитрий расправил широкие плечи и заявил:

– Эх, Федя, какую я вчера красавицу встретил! Словами не сказать. После обеда решил на Коршуне по Москве прокатиться. Ты же знаешь, для меня дома сидеть, что в тюрьме. Волю подавай, свободу. Со двора выехал на берег реки. Коршун застоялся, вихрем понес. А мне радостно, весело. Наконец мы с ним угомонились, отвели душу. Еду, значит, по посадку. Гляжу, у городьбы одного из домов, рядышком с калиткой, на скамье под кленом две девицы сидят и щебечут меж собой, как синички. В нарядных атласных сарафанах и телогреях. Из-под венцов косы до колен. Одна дородная такая, пышненькая, симпатичная. А другая постройнее и, Федя, красоты неписаной. Коса у нее как из золота, толстая, упругая, с вплетенными красными бантами. Личико белое, щечки нарумянены. А глаза, Федя, блестят, как звезды в ночи. Губки цветком. Я так и застыл, заглядевшись на этакую красоту. Остановил Коршуна, сам на землю и к девицам. Пышная ахнула да бегом за угол. А красавица осталась. Я к ней. «Здравствуй, – говорю, – девица». Она головку наклонила, глазки сощурила: «Здравствуй, добрый молодец!» «Как зовут тебя, красавица?» Она отвечает, что Ульяна, и улыбается, блестя глазами. А во взгляде глубокая пропасть, и тянет туда неудержимо. Вроде познакомились, а что дальше говорить, не знаю. Не поверишь, Федя, первый раз в жизни оробел. Ульяна же рассмеялась. Смех ее, как ручей серебряный, прямо в сердце мне лился. Я еще больше растерялся. Уж не знаю, что потом было бы, да тут калитка открывается и мужик выходит. Здоровый такой, крепкий, кулаки как гири. Брови густые, нахмуренные, взор строгий. Только кивнул Ульяне, та сразу убежала. Мужик ко мне. Я спрашиваю: «Зачем девицу домой загнал?» Он в ответ: «Она дочь моя, что скажу, то и будет делать. А ты, гляжу, рода знатного?» Отвечаю: «Князя Ургина Михаила Ивановича сын, Дмитрий Михайлович». Мужик: «Знаю такого, большой человек. А что же ты, Дмитрий Михайлович, простых девок смущаешь? У тебя, поди, и невеста уже есть? Али погулять на стороне надумал?» «Нет, – говорю, – у меня невесты. Как она может быть, коль не встретил еще той, что была бы мне мила больше жизни?» Мужик: «А разве тебя спросят? На кого отец укажет, на той и женишься!» Отвечаю: «Спросят. Вот твоя дочь Ульяна мне приглянулась». А мужик враждебно: «Не замай, княжич! Не ровня она тебе, забудь! И суженый у

нее есть, свадьба скоро». «Врешь! – вскрикнул я. – По глазам ее видел, не любит она никого. Или силком замуж хочешь выдать?» Он мне: «Какое твое дело? Мы по обычаям живем, как и предки наши. На том крепко стоять будем. Так что гуляй, княжич. А сюда не приезжай больше. Не надо». Кровь во мне так и взыграла. Хоть и крепок мужик, но и я не слаб. Крикнул, не сдержался: «Да как смеешь, смерд, мне, Ургину, указывать, где быть и что делать?» Мужик черными глазами недобро так сверкнул, но склонил голову и сказал: «Не гневайся, княжич, но что сказано, того не вернешь. Гонор же свой для басурман побереги. Недолго до большой свары осталось. На поле брани удадь свою покажешь. Перед девками красоваться – не ворога бить. Это любой может. А вот достойно сражаться не каждому дано. Извиняй, – говорит, – коль что не так, но запомни, Прокоп Тимофеев слов на ветер не бросает. На посадке об этом тебе любой скажет. Поэтому девку не замай, не быть ей твоей! Никогда!» Ушел этот Прокопий, я сел на лавку и крепко задумался. Так и сидел, грезил об Ульяне, пока Коршун мордой в плечо не толкнул. Вскочил я на коня и поскакал до дому. Вот так, друг Федор, и не доехал я до тебя вчера.

Федор посмотрел на Дмитрия и спросил:

– Ульяна так и не выходит из головы?

– Нет, Федя, не выходит. Стоит перед глазами. Как подумаю о ней, так сердце и холодит, аж до боли щемящей, нудной.

– Это кто тут по зазнобе сохнет? – неожиданно раздался от входа басовитый голос.

Молодые люди обернулись. На пороге горницы стоял отец Федора, боярин Степан Иванович Колычев.

– Неужели ты, Митька, сорвиголова?

Дмитрий замешкался и проговорил:

– Здравствуй, Степан Иванович! Мы тут с Федей...

– Оставь, Дмитрий, – прервал его боярин. – Негоже тебе оправдываться. Тем более не совершив ничего плохого. Напротив, радуйся! Любовь к тебе пришла, а без нее, Митя, душа у человека мертва. Вот и Федор тебе о том же скажет. Только он сам что-то на девиц не смотрит.

– Рано мне, – пробурчал Федор и потупил взгляд.

– В этом ли дело? Ну да ладно. – Степан Иванович повернулся к гостю. – Как, Митя, Михаил Иванович да матушка Агафья Петровна поживают?

– Спасибо, жаловаться не на что. А ты разве с батюшкой не встречаешься?

– Последнее время реже. – Степан Иванович перекрестился на образа, присел на лавку в углу. – Погода чудит. Оттого кости ломит. Посижу.

– Архип, батюшка, печь натопил. Ты бы прилег на лежанку, согрелся.

– Успеется! С вами, молодежью, побуду, коли не прогоните старого боярина.

– Да что ты такое говоришь!

Колычев-старший улыбнулся.

– Эх, молодость. Счастливая пора. Помню себя молодым. Таким же был, как и Митька. Волю любил, озорство. Соберемся, бывало, и давай силушкой мериться, перед девками красоваться. На лугу, за рекой костер разведем и с разбегу в огонь. Боязно было, а все одно прыгали. Потом с обрыва высокого в омут, наперегонки до того берега и обратно. Радости было много, коли победишь. Орлом ходишь, девицы глазки строят. Весело!

В горницу вошел Архип и обратился к хозяину дома:

– Меда или перевара вкусить не желаешь, боярин?

– Нет, Архип, не хочу сейчас. Вот сядем семьей трапезничать, тогда медку красного выпью.

Архип ушел.

– Я вчера с Прокопом Тимофеевым разговаривал. Так он сказал, что скоро опять татар воевать придется, – заявил Дмитрий.

– С кем разговаривал?

– С Прокопом Тимофеевым.

– С Драгой? Известная личность. Строгий мужик, на посаде его всяк знает. Кузнец замечательный. Значит, Драга сказал, что скоро Казань воевать пойдем?

– Именно Казань не говорил, помянул лишь, что свара с татарами не за горами.

– Так эта свара, Митя, еще с весны началась. Или тебе об этом не говорили?

– То, что крымцы Астрахань взяли, а Казань объявила войну Москве, мне ведомо. Да вот только я думал, что все вроде и закончилось набегам нашего войска, которым командовал Шах-Али, на черемисские и чувашские земли.

– Нет, Дмитрий, – сказал Степан Иванович. – Война не закончилась, а только начинается. Все это, конечно, сложно, но, ребятки, вся драка еще впереди. Зимой идти в поход несподручно, снег, холод, тяжело. Весной распутица, войско завязнуть может, а вот летом самое время. Мыслию, на Казань пойдем.

В горнице наступила тишина. Лишь ветер продолжал бросать горсти дождинок на слюдяное оконце комнаты Федора.

Степан Иванович поднялся со скамьи.

– Вот так-то, молодцы!

– Да что мы с этими басурманами возимся? – пылко воскликнул Дмитрий. – Собрали бы единое войско да побиили бы и казанцев, и астраханцев, и крымцев. Сколько будем терпеть их пакости?

– Не все так просто, Митя. – Степан Иванович прошел к оконцу. – Подойдите сюда. – Боярин Колычев указал на березу за окном. – Вот она, вся Русь перед вами. Все ответы на твои, Митя, вопросы.

Дмитрий взглянул на Федора, пожавшего плечами, и спросил:

– Русь в березе?

– Береза как образ, символ Руси, – пояснил Колычев. – Я посадил ее в день крещения Федора. Глядите, вымахала как! Ветер гнет ее из стороны в сторону, до земли, а береза стоит. Дубы падают, ветлы в щепы разлетаются, а она цела. Ее ветви могут укрыть человека, спрятать влюбленных от постороннего взгляда, приласкать тенью или же так вдарить по морде, что очи в сей миг выбьют, посекут до смерти. Так и сторона наша. Сколько раз всякая нечисть пыталась свалить Русь? Несть числа этим попыткам. Но Русь все выдерживала, стояла, стоит и стоять будет на века вечные! А почему так, спросите? Отвечу. Береза стоит потому, что корни у нее крепкие. Корни русского человека – наша православная вера, ствол – народ, ветви – рать, воины, которые живота своего не пожалеют ради родной земли. Все едино! Крепкая вера, сплоченный народ, объединенный одной целью, сильная и многочисленная рать. Самое важное для всех нас, русских людей, беречь свою святую веру как зеницу ока. Не допускать к корням ни предателя с топором, ни поганого басурманина с кривой саблей. Главное, не позволить паразитам черной ереси проникнуть и повредить корни. Она будет пострашнее татар, ливонцев и всяких других врагов. Ее в зародыше душить надо, чтобы не расплзлась гадюками по Руси. Всегда помните это, дети мои. Верой православной силен человек русский! – Степан Колычев закончил несколько пафосную, взволнованную, но искреннюю речь, лившуюся из глубины души, и вышел из горницы сына.

Дмитрий же, глядя на березу, гнущуюся от ветра, задумчиво проговорил:

– Ишь ты, как батюшка твой, Федя, сказал! И ведь истину молвил, если вдуматься. Я бы так не смог. Ну, растет дерево и растет. Эка невидаль. Сколь их таких по Москве? А вокруг? Леса дремучие. А тут, видишь, Русь вся. Надо же!

– А дождь вроде потише стал, – сказал Федор.

– Хватит уже. Надоел.

Дмитрий потянулся, широко, как крылья могучей птицы, раскинул руки и заявил:

– А то, что Казань воевать пойдем, хорошо!

– Что же хорошего в войне, Митя? – удивленно спросил Федор. – Людей быют, калечат!

– А по-твоему, лучше, когда вороги сторону твою разоряют, глумятся над верой, святынями, храмами, города и деревни дотла жгут? Изгаляются над тобой, будто и не человек ты, а скотина бессловесная? Даже она упирается, когда ее на убой ведут. Может, лучше смириться и терпеть? Пусть насилуют девок, детишек малых конями топчут, мужиков да баб нагайками секут до смерти, саблями рубят, вешают, в полон гонят, чтобы в рабстве гноить? Пусть, коли судьба такая выпала? Так, Федя? – Глаза Дмитрия зло сощурились, ноздри с шумом выдыхали воздух, кулаки сжались так, что был слышен хруст.

– Нет! Разве я о том говорил?

– Это тебе знать. По мне, кто хочет, тот пусть мирится, терпит, а я не буду! Если войско на Казань пойдет, то и я с ним. Вместе с отцом. А там поглядим, кто кому юшку пустит. Я за наших, что в полоне томятся, буду эту нечисть поганую на куски рубить. Вот где разгуляюсь!.. А коли сам нарвусь на кривые сабли, то за Русь, за веру нашу и помереть не страшно. Такая смерть красна, светла и почетна.

Федор подошел к Дмитрию, обнял его и сказал:

– За то ты люб мне, Митька, что такой вот, настоящий, открытый, отчаянный. Душа твоя светлая, добрая. Слову своему ты всегда верен.

– Ладно лапаться-то, – смущенно проговорил Дмитрий. – Я не девица. А давай-ка, друг Федя, свежего медку попробуем?

– Так скоро за стол садиться.

– И то правда. Чего там у нас на дворе?

– Чего заторопился?

– До дому ехать надо.

Федор улыбнулся и спросил:

– Так уж и до дому?

– А куда же еще?

– Тебе виднее.

Дмитрий посмотрел на товарища.

– погоди, Федька! Ты на что намеки делаешь?

– Думается мне, Митька, что на посад ты собрался.

– А коли и так, то что? Где хочу, там и езжу. Я человек вольный.

– Так-то оно так, только надо ли? Да и небезопасно одному ночью по Москве разъезжать. Слыхал, на прошлой неделе обоз из Углича у слободы разбойники разорили? Говорили, всех приезжих ножами порезали. Мальчонка один в живых остался. Под телегой спрятался.

– А еще я слыхал, что разбойников тех у дубравы поймали да на дубах вековых и повесили. Мальца же к себе в семью купец какой-то взял. На Москве, Федя, почитай, каждый день кого-нибудь режут. Мне из-за этого в хоромах скрывать? Дома сиднем сидеть? Не будет такого.

– А не боязно по городу ночью ездить? Только правду скажи.

– Страх, Федя, у каждого внутри сидит. Только один так и живет всю жизнь с ним, а другой изгоняет из себя этот страх. Тебе неведомо, что я в отрочестве очень уж боязливым был.

– Ты? – искренне удивился Федор.

– Я, Федя. Только гляди, тебе одному душу открываю, так что другим молчок.

– Слово!

– Матушка говорила, что собака меня напугала, когда я еще под стол пешком ходил. Я на лужайке возле дома игрался, а мимо стоя голодная пробежала да ко мне ринулась. Помню, морды у псов страшные, черные, клыки здоровые, с них слюна до земли. Сердечко у меня забилося, я задрожал как осиновый лист, хотел кричать, да не мог, голосок пропал. Я закрыл глаза и ждал, что сейчас собаки начнут рвать меня до боли, до смерти. Благо Родион с крыльца

увидел ту карусель, выбежал с оглоблей, разогнал стаю и меня в дом унес. Так я потом даже заикался, у знахарки лечился.

– Ты никогда не рассказывал об этом, – проговорил Федор.

– Потому как стыдно. Да и зачем тебе было знать о том?

– Сейчас же сказал!

– Теперь можно. Не страх меня, а я его сломал, из нутра выкинул. Вот многие говорят, отчаянный Митька, а не знают, что до семи годков я драться с соседской детворой не мог. Боялся.

– Ты, и боялся? – опять удивился Федор.

– Боялся! Выйду к ребятне, а мне кулаком в нос. Был там один конопатый, подлый малый, да ты его должен знать, сын князя Гурского. Перед парнями повзрослее заигрывал, а над мальцами измывался. Он меня и бил, а остальные смеялись. Я, как побьют, домой. Забивался в горнице под лавку и плакал. Это теперь из меня слезу обухом не вышибешь, а мальцом ревел. Не от боли, не от крови, а от обиды, Федя. Ответить хочу, а не могу.

– И как же ты страх свой сломал? – заинтересованно спросил Федор.

– Отец помог. Однажды увидел меня, плачущего под лавкой, вытащил, поставил перед собой, расспросил, что и почем. Рассказал я, в чем дело. Батюшка мне и заявил: «Негоже так, сын. Жизнь под лавкой не проживешь, все одно когда-то вылезти придется. Конопатого того Ваську я видел не раз. Скажу, не он сильнее тебя, а ты слабее его. Духом, а не телом». «Что же делать?» – спросил я отца. Он подумал да и сказал: «А ступай-ка ты к ребятне. Полезет Васька драться, ответ дай!» «Как это?» – спрашиваю. Отец мне: «Просто! Тебя бьют, и ты бей! Или и дальше позорить род наш будешь? Ступай, про страх забудь, пересиль его и дерись, коль заденут». Послушал я отца и пошел на улицу. Конопатый тут же ко мне, замахнулся, а я ему со всей силы промеж глаз и вдарил. Сам от себя не ожидал такого. Васька так на землю и рухнул. Дружки его рты поразевали, а у меня будто что-то внутри лопнуло. Я и соседу его врезал в ухо. Тот заорал и кинулся бежать. Постоял я, дождался, покуда конопатый очухается. Он поднялся, глаза опухшие, кровяные. «Ты что?» – спрашивает. Я ему: «Не лезь больше, а то до смерти забью!» Потом родитель его к отцу приходил. О чем они говорили, не ведаю, только батюшка, как ко сну отойти, зашел ко мне, погладил по голове, сказал, что я молодец, и вышел. А мне, Федя, радостно, долго уснуть не мог, силу свою почувствовал, словно другим человеком стал. С той поры, где заваруха какая, я первый. Конопатый и дружки его стороной меня обходили. А потом мы в новый дом переехали. С тобой вот познакомился. Помнишь, на Крещение в прорубь ныряли?

– Как же. Помню, конечно, – ответил Федор.

– Ты не поскользнулся тогда. Это я тебя спихнул в воду.

Федор улыбнулся.

– Знаю.

– А чего же промолчал тогда?

– Так ты же не со зла толкнул, а забавы ради. Я видел.

– Этим и взял. Я тебе пакость, а ты в ответ рассмеялся. После отвар горячий вместе пили. Говорил ты складно, по-умному. А ведь мог и вдарить. Силушкой тебя Господь тоже не обидел.

– Да, – протянул Федор. – Мог, конечно, и вдарить, только надобности в этом не имелось. Не знаю, как объяснить, но уже тогда было в тебе что-то такое, чего в других нет. Помнишь нашу прогулку вдоль Москвы-реки три года назад?

– Как же, – ответил Дмитрий. – Отдохнули мы тогда знатно. До сих пор дивлюсь, как нам удалось и детей спасти, и мать с дочерью из соседнего дома вытащить? Ведь было-то нам по тринадцать-четырнадцать годков. Откуда только сила взялась?! И слова больной женщины помню, когда она мне образок свой отдала. Ничего, Федя, не забыл. А вот посмотреть бы, как

теперь живут люди в этой деревне. Детки подросли. Девочка из соседней избы, может, уже и замуж вышла.

– Не трудно наведаться к ним.

– А стоит ли, Федя? Нас уж и не помнят там. Не узнают. – Дмитрий подошел к окну. – Вот! Погода успокоилась. Дождя нет, ветер поутих. – Он нагнулся, снизу вверх посмотрел на небо. – Тучи разбежались, кое-где звезды видны. Чудно все-таки, Федя!

– Что чудно, Митя?

– Да звезды на небе. Особо летом, когда видать целую дорожку. Зачем их Бог создал, да так много? Солнца и луны хватило бы. Солнце днем греет, луна ночью светит. А от звезд холодных какой толк? Разве что для красоты. Ночью на небо смотришь, любишься. Словно сам летишь куда-то в неведомую даль. Хочется достать хоть одну.

– Далеко они.

– Жаль! Но ладно, Федя, скоро тебя к трапезе позовут. Потом ты допоздна читать будешь.

Поехал я.

– На посад?

– Да! – кивнул Дмитрий. – В Зарядье.

– Но что ты там сейчас делать будешь? Подъедешь к дому Ульяны. Калитка на запоре. В избе вечерают или уже спать легли. Девушка и знать не будет, что ты рядом. Да и неведомо, помнит ли она вообще о тебе. У девиц память короткая. Приезжал молодец на резвом скакуне, и что? Как приехал, так и уехал. Это она тебе в сердце запала, а ты ей? Да и кузнец говорил, что суженый у нее есть, скоро свадьба.

Дмитрий неожиданно вспылil и заявил:

– Кузнец много чего говорил, только нет у меня веры его словам, какая бы слава о нем ни шла. Я же видел, как смотрела на меня Ульяна.

– И как же, Митя?

– Мы уже говорили об этом. Особенно смотрела. Сюда! – Дмитрий указал на грудь. – В сердце, в душу заглядывала.

– Ну и нагородил!

– Зачем так говоришь, Федя? Смеешься над моими чувствами?

– Что ты, Митя! У меня и в помыслах не было смеяться. Прости, коль обидел.

– Нет, не обидел! Ты сомнения выказал, это хуже.

– Перестань, Митя, и послушай моего совета. Нечего сейчас горячку пороть. Зазноба твоя уже спит. Ночью по Москве ездить небезопасно. Батюшка сказывал, что в городе много лихих людей развелось. За коня да дорогую одежду убьют не глядя.

– Ты же знаешь, Федя, я всегда смогу за себя постоять.

– А коли десяток разбойников тебя окружит, да все с ослопами? Саблей и ножом не отобьешься.

– Коршун вынесет!

– Отчаянный ты, Митька. Это по душе мне. Но ехать на Посад не советую.

Дмитрий вздохнул и сказал:

– А если неодолимая сила тянет меня туда, тогда что?

– Ничто! Перебори ее.

– Федя, не могу.

– Знаешь что, езжай-ка ты домой, а завтра давай на Варварку ходим. Пехом, без коней, на торговые ряды посмотрим, что за оружие, доспехи выставили на продажу ремесленники. А потом, помолвившись, пройдем к дому Ульяны. Глядишь, и увидишь ее. Тогда-то и признаешься ей в своих чувствах. Что будет потом, одному Богу известно. Но хоть знаешь, как девушка относится к тебе.

– Может, и увижу, а из дома Прокоп, отец ее, выскочит. На этом все и закончится, – раздраженно проговорил Дмитрий.

– А я на что? Займу кузнеца разговором.

Дмитрий улыбнулся и заявил:

– Да, на умные речи ты мастер. Ладно, будь по-твоему. На Варварку так на Варварку!

– Только обещай, Митя, что от нас поедешь домой.

– Обещаю!

– Ну и ладно. Езжай, утром буду ждать тебя.

– Приеду.

Федор позвал слугу.

Тот принес кафтан гостя и сказал:

– Только просох, княжич!

Дмитрий повернулся к Архипу и спросил:

– Что на дворе?

– Поутихло, но прохладно.

– Кровь согреет. – Парень перекрестился на образа, поклонился и вышел из горницы.

В соседней комнате он попрощался со Степаном Ивановичем Колычевым, окруженным младшими сыновьями, вертевшимися возле отца.

Федор проводил Дмитрия до ворот и напомнил:

– Так с утра ждать буду.

– Сказал, значит, приеду. – Княжич вскочил в седло.

Коршун встал на дыбы. Дмитрий натянул поводья, и конь с ходу взял в галоп. У деревянного моста Дмитрий осадил вороного, и тот до самого дома шел мелкой рысцою.

Тучи вновь слились в единое черное облако, такое же грозное, как и днем, накрыли город мрачной рогожей. Казалось, еще мгновение, и опять пойдет сильный дождь. Но этого не случилось. Ветер утих, лишь изредка, слабыми порывами тревожил ветви облетевших деревьев.

Вскоре Дмитрий заехал во двор родительского дома. За отсутствие на обеде отец не ругал его. Остаток вечера Дмитрий провел в своей горнице, беспрестанно думая об Ульяне.

Ранним утром 24 октября Дмитрий, как и обещал, пришел к своему товарищу. Погода на дворе стояла хмурая, но безветренная и теплая. Княжич распустил кафтан, освободил ворот рубахи под зипуном, взял в руки мурмолку. Архип встретил его и провел в горницу Федора.

Тот тоже был одет и сказал:

– Здравствуй, Митя! Как дома, не ругался батюшка?

– Здравствуй, Федя! Дома все как всегда, а батюшка не ругался.

– И то хорошо! Плохо, когда в семье раздор.

– Так мы идем на Варварку?

– Конечно, но чего это, Митя, ты какой-то раздраженный?

– Я?.. – Княжич изобразил удивление. – Тебе привиделось, Федя.

– Но я же вижу, что у тебя плохое настроение, потому и спрашиваю.

Дмитрий вздохнул и сказал:

– Да все эта Ульяна!.. Лучше бы я ее не встречал. Не дает покоя, хоть что делай. Не знаю, как вечер высидал и ночь без сна вылежал. Тяжко в неведении, Федя! Сердце и душа болят.

– Да! Теперь вижу, что любовь тебя стиснула стальными обручами. Но так ведь это же счастье, Митя.

– День и ночь маяться – счастье? Ладно, не хочу больше говорить об этом. Голова болит. Пойдем в торговые ряды. Там развеюсь.

Молодые люди покинули дом Степана Колычева и прошли на Варварку, что тянулась по бровке холма над Москвою-рекой. Здесь жили бояре, мастеровой и купеческий люд. Приятели оказались в рядах. Здесь торговали всем: пенькою, рыбой, скотом, овощами и медом.

Были и лавки, в которых продавалось оружие и доспехи. Они и привлекли внимание юношей, которые медленно обходили ряды. В них имелось все, что только угодно душе воина. Бахтерцы и тегилiai, разные кольчуги, большие юшманы, булавы, палицы, шестоперы, кистени, метательные копы – сулицы, бердыши – топоры с лезвием в виде полумесяца на длинных, в рост человека, древках. Самострелы, луки с колчанами, шлемы: шишаки, мисюрки, ерихонки. Седла, чепраки, чалдары.

Друзья остановились у лавки с колющим и режущим оружием. За деревянным помостом, на котором красовались мечи, ножи, сабли, стоял молодой парень. Дмитрий внимательно посмотрел на торговца. Что-то в его чертах было ему знакомо. Он где-то уже видел это лицо. Черные глаза, брови, губы, сжатые в нить.

Дмитрий вдруг почувствовал вражду к этому рослому парню. Он брал с помоста клинки, оглядывал их и возвращал на место.

Княжич поднял саблю, осторожно провел пальцем по лезвию и недовольно проговорил:

– Этой саблей только курам головы рубить.

– Зачем так говоришь, добрый человек? – спросил парень. – Хорошая сабля. Да и все здесь доброе, сделанное на совесть. У нас с отцом от покупателей отбоя нету. Один ты такой недовольный явился. Если то не нравится, так ступай дальше, в другие лавки, и не морочь мне голову.

Федор удивленно взглянул на Дмитрия. Что к человеку привязался? Оружие и вправду хорошее.

Федор не понял, чем недоволен Дмитрий, но тот никак не умолкал:

– А ты кто такой, чтобы гнать меня, княжича Дмитрия Ургина?

– По мне, что княжич, что простой человек, все едины. Сказал, не нравится товар, ну и ступай себе далее.

Дмитрий бросил саблю на помост и заявил:

– Железка! Да и ее ты, наверное, перекупил у кого-нибудь, а теперь народ обмишуриваешь.

Федор не выдержал и одернул Дмитрия:

– Митя, ты что? Что с тобой?

– Отпусти, Федя. Или не видишь, что тут обман?

– Какой обман, княжич? – возмутился парень. – Ты чего мелешь? У нас, Тимофеевых, товар самый лучший. Об этом тебе все на посаде, да и здесь, в рядах скажут.

– Тимофеев? Так ты, наверное, сынок кузнеца Прокопа?

– Да! Я Григорий, сын кузнеца Прокопа Тимофеева. Оружие у нас покупают не такие молокососы, как ты, княжич. Тебе, наверное, саблю в руках держать лишь для забавы приходилось?

– Как ты меня назвал, смерд? Молокососом?

– Молокосос и есть! – Григорий, сын кузнеца Прокопа, был так же дерзок, как и его отец.

– Повтори! – процедил сквозь зубы Дмитрий.

– Молокосос!

– Ах ты гаденыш! Ну выходи сюда, я покажу тебе молокососа! Или только в речах ты смел?

– Не бойся, выйду! Только потом не жалься батюшке, что тебя простолюдин побил.

– Ты иди сюда, не мели языком!

Федор вновь одернул Дмитрия:

– Да что с тобой, Митя? Зачем парня задираешь, свару устраиваешь? Оглянись, народ только сюда и смотрит.

– Пусть видят, как я проучу этого смерда.

– Но что он тебе сделал?

– Оскорбил! Или тебе этого мало?

– Так ты же первый начал, Дмитрий!

– Отойди, Федя, не влезай куда не следует.

Григорий Тимофеев вышел к Ургину.

– Ну, княжич? Вот он я. Хотел проучить, попробуй! Или мне повторить, кто ты есть на самом деле?

Дмитрий без размаху резко ударил Григория в грудь. Сын кузнеца пошатнулся, но не упал. Треух слетел с его головы и покатился к плетню.

– Знатный удар, княжич! Ничего не скажешь. Но только для тех, кто по-настоящему не дрался. Теперь мой черед. Я в должниках ходить не привык.

Дмитрий усмехнулся и заявил:

– Много говоришь, смерд. Дела не вижу.

– Будет тебе дело!

Григорий сблизился с Ургиним, с шумом выдохнул, расправил плечи и так же без замаха врезал противнику кулаком в грудь.

Дмитрий охнул и ударился о помост, что предотвратило его падение. В глазах княжича потемнело, мурмолка слетела на землю.

Федор бросился к товарищу и крикнул Григорию:

– Ты очумел? Так и убить можно.

– Поделом ему! – ответил сын кузнеца. – Не будет задираться. А то слишком много мнит о себе. Как же, сын самого князя Ургина! Вот и получил острастку.

Григорий оперся о столб и глядел, как Федор приводил в чувство своего товарища.

Колычев первым делом расстегнул ворот рубахи Дмитрия, хотел растереть грудь, но тот отстранил его.

– Не надо, Федя! Сам напросился, вот и получил. Поделом мне. А ты молодец! – Он взглянул на Григория. – Силен не только в речах. – Княжич улыбнулся.

Взгляд Григория был прикован к груди Дмитрия. Ургин опустил голову, хотел посмотреть, что так привлекло внимание сына кузнеца. Но тот вдруг ринулся на Дмитрия, схватил за отворот рубахи, рывком поднял на ноги.

Он поднес к лицу княжича образок, вывалившийся во время свары на рубаху, и закричал:

– Отвечай, откуда он у тебя. Ну?

– Ты, я гляжу, мирно разойтись не желаешь. Думаешь, одним ударом одержал верх над Ургиним? Нет, смерд, придется с тобой разбираться серьезно. А ну-ка отпусти руки!

Но Григорий, глаза которого загорелись ненавистью, не утихал:

– Отвечай, пес, откуда у тебя этот образок, или удавлю прямо тут!

Дмитрий попытался вырваться, но не смог.

На помощь пришел Федор.

– Послушай, Гриша! – сказал он. – Отпусти моего товарища. Отойдем от народа, я все насчет образка объясню! Ты еще благодарить Дмитрия будешь. Верь, парень, я правду говорю!

– Объяснишь? Ладно! Идем за ряды, к частоколу. Но предупреждаю, соврешь, я людей покличу. Тогда мы в другом месте будем с вами разбираться.

– Не грозись понапрасну, Гриша, охлонишься. Мы же люди, а не звери, чтобы грызться меж собой.

– Иной зверь получше человека будет.

– Может, ты и прав. Отпусти княжича, иначе как мы за ряды уйдем?

Григорий освободил Дмитрия, который не мог понять, отчего образок вызвал такую ярость у сына кузнеца, брата Ульяны. Молодые люди прошли к городьбе. Народ, привлеченный дракой, разошелся по своим делам так же быстро, как и собрался.

У городьбы Григорий посмотрел на Федора.

– Ну, говори, боярин, я слушаю!

– Скажи, Гриша, вы раньше, года три назад, жили в деревушке у реки, недалеко от рощи?

Сын кузнеца удивился и спросил:

– В Кулешах? Жили, а что? Откуда тебе это известно?

– погоди! А пожара у вас в то же время не случилось? Летом, в день, когда на Москве была ярмарка?

Григорий удивился еще более. От его враждебности не осталось и следа. Ее сменила растерянность, смешанная с удивлением.

– Был пожар.

– Был! Сначала молния ударила в крайнюю избу, где в то время находились без присмотра дети Анисьи. Изба загорелась. Потом полыхнул и дом кузнеца, который уехал на ярмарку вместе с сыном. Так?

– Так! – проговорил Григорий.

– Но Господь не дал сгореть в огне ни детям Анисьи, ни больной женщине Анне, ни ее дочери, которая сломала ногу, спеша к матери. Всевышний направил к месту пожара двух молодцев, которые и спасли людей. Я ничего не путаю, Гриша?

– Нет! Но откуда тебе все это известно до мелких подробностей?

– Все просто, Гриша. Этими молодцами были мы. Дмитрий, с которым ты драку учинил, и я, Федор Колычев. Сначала мы вынесли детей Анисьи, а потом пошли в вашу избу, объятую огнем. Девушку вынес я, а Анну – Дмитрий. Едва успели. Как все закончилось, Анна подозвала к себе нас, поблагодарила, Дмитрию дала образок, мне – икону чудотворца Николая. Она и по сей день стоит у меня в киоте. Я молюсь на нее.

Григорий присел на корточки, прислонился к городьбе и вдруг смахнул набежавшую слезу.

– Ты что, Григорий? Тебе худо? – спросил Федор, склонившись над ним.

Сын кузнеца тихо проговорил:

– Коли это правда, то Анна, спасенная вами, – моя мать, а девушка – сестра Ульяна.

– Вот оно что? Ты сомневаешься, что я сказал правду? – спросил Федор.

– Поверю, когда увижу икону! После пожара мы с отцом вернулись с ярмарки, Егор, который отдал рубаху молодцам, неизвестно откуда появившимся на деревне, и принимал детей Анисьи, сказал нам, что мать отдала спасителям икону. Это видели и другие люди. А вот про образок никто ничего не говорил. Поэтому я хочу видеть икону.

Федор кивнул.

– Хорошо! Ты лавку прикрой, да пойдем ко мне. Я тебе покажу икону.

– Ладно. – Григорий обернулся к Дмитрию. – Ты извиняй меня, княжич, коли что не так!

– Нет, это ты прости, Гриша. Я сорвался, как пес с цепи.

– Ничего. Прошло и забыто.

– Забыто.

Молодые люди прошли к дому Колычевых.

Во дворе Архип гонял сенных девок, увидел парней и спросил:

– Никак гости у нас нынче?

– Да, Архип, с нами Григорий, сын кузнеца Прокопа Тимофеева. Мы ненадолго.

– Тимофеева? Драги? Проходите. Чем потчевать гостей будем, Федор Степанович?

Тот посмотрел на товарищей и спросил:

– Перекусим?

Дмитрий и Григорий отказались и прошли в горницу Федора. Сын кузнеца сразу узнал икону.

Он трижды перекрестился и сказал:

– Да, это она. Значит, вы и есть те молодцы, которые спасли из пожара мать и сестру!

– Да. На счастье рядом оказались, – подтвердил Дмитрий.

Григорий присел на скамью, Ургин-младший устроился рядом и сказал:

– А я позавчера и с отцом твоим познакомился, Гриша.

– Когда же? Я ничего об этом не слыхал.

Дмитрий поведал сыну кузнеца о том, как встретил Ульяну, о разговоре с их отцом.

– Никогда бы не подумал, что Ульяна – это та девочка из деревушки. Как выросла, похорошела!

Григорий выслушал княжича и сказал:

– Что ж, теперь приглашаю вас к себе, то есть в дом отца. Надо рассказать ему правду.

Федор снял зипун и заявил:

– Думаю, вам лучше вдвоем пойти. Я только мешать буду.

– Ну что ты, Федя? – воскликнул Дмитрий.

Но тот настаивал на своем.

– Идите вдвоем. Так сподручнее.

Григорий поддержал Федора:

– Он прав, княжич. Сейчас нам лучше пойти вдвоем.

– Ладно, – согласился Дмитрий. – Пошли вдвоем.

Федор проводил Дмитрия и Григория до ворот и вернулся в дом. Княжич и сын кузнеца пошли в Зарядье.

Григорий взглянул на Дмитрия и сказал:

– Значит, приглянулась тебе сестра, а батюшка отшил? Не ты первый. Возле Ульяны парни роем вьются. Красотой она в мать пошла. Да ты сам ее видел. А добрая какая была, жалостливая. Отца любила, все честь по чести. Батюшке многие завидовали. Вот и Ульяна в нее. Таких девок, княжич, в Москве мало. Все может и успевает. С хозяйством управляется, еду готовит, дом в чистоте блюдет и с подружками погулять может. Но только возле двора. А мамка наша померла, княжич. Третий год пошел. Недолго прожила после пожара. – В голосе Григория явно проступала не утихшая боль потери, печаль-тоска по матери, ушедшей в мир иной.

– Прости, Гриша.

– Тебя-то за что прощать? Пришел срок, Господь и забрал ее к себе. Все там будем. – Он указал на небо. – Кто раньше, кто позже. У каждого свой срок.

– Значит, Ульяна сирота? – проговорил Дмитрий.

– Какая же она сирота при живом отце! – возразил Григорий. – Да и я рядом. В обиду не дам. Хотя ты прав. Мы все, как померла матушка, осиротели. Оттого и отец строже стал. Мужик он видный, при деле, сам знаешь, бабу мог просто найти, но не стал. Дело не в Ульяне или во мне, а в великой любви, которая между родителями была. Отец и теперь матушку любит, редкую неделю на кладбище не ходит, как бы ни был занят работой. У могилы долго сидит, все шепчет что-то.

– Ничего, Григорий. Твоей матушке сейчас хорошо.

– Да я и ничего. Ты спросил, я ответил.

– Сам-то с отцом работаешь или служишь у кого?

– При кузнице. С отцом. У нас это потомственное. Прадед кузнецом был, дед. Сейчас вот отец, я. И мой сын, коли Господь даст, тоже к наковальне да к мехам встанет.

Дмитрий погладил высокий лоб и спросил:

– А скажи, Гриша, у Ульяны взаправду суженый есть? Или отец твой Прокоп так сказал, чтобы меня отвадить?

– Так вот прямо и не ответить, – проговорил Григорий. – Жениха отец Ульяне подобрал, тоже из семьи мастеровых. Они от нас недалеко живут, на соседней улице. Только какой он сестре суженый? Любви между ними нет, это скажу точно. Ульяна видеть Кондрата, жениха этого, не желает. Да там и посмотреть не на что. Сморчок плюгавый, морда как яблоко сушеное, белобрысый, роста мелкого, нам по плечи будет. Но хитрый и пронырливый. Не люблю таких.

– А каким делом этот занимается?

– Батьке своему обувь разную тачать помогает. Подмастерье.

– Но почему твой отец решил отдать за него свою единственную дочь? Сам жил по любви, а ее лишь бы сбавить?

Григорий вздохнул.

– Не говори так, княжич. Мы по старым обычаям живем. Пришла пора девице замуж выходить, отец и решает, за кого свое чадо отдать. А меж ним и родителем Кондрата Федотом Алексеевым давний уговор. Как подрастет Ульяна, так замуж за Кондрата и выйдет.

– А матушка твоя покойная о том знала?

– Знала, конечно. Была бы жива, не видать Кондрату Ульяны как своих ушей. А без матушки никто отцу ни слова против не скажет, не отговорит.

– И не жаль ему дочь?

– В его душу не заглянешь. Почернела она со смертью матери, затворилась накрепко. Может, ему и жаль, но даденное слово назад не воротишь.

Дмитрий в отчаянии воскликнул:

– Значит, Ульяна выйдет замуж за Кондрата, да?

Григорий озорно, по-воровски взглянул на княжича и заявил:

– Неизвестно, как отец станет относиться к тебе, когда узнает, что это ты с товарищем спас на пожарище в деревне матушку и Ульяну. Если он и дальше будет стоять на своем, то можно и опередить Кондрата, увести мою сестрицу из-под сопливого носа нерадивого женишка.

– О чем ты, Гриша?

– А ты не догадываешься? Подумай! Ты человек ученый, не мы, темнота дремучая.

– Уж не увести ли Ульяну из-под венца предлагаешь?

– Почему нет? Я, если бы любил, увел. А после хоть трава не расти. Да и что потом будет-то? Порченную девку под венец не поведут не только силком, а и по доброй ее воле. Это же какой позор для жениха!

– Вот о чем твои мысли. Зачем говоришь мне такое?

– Не хочу, чтобы Ульяна с нелюбимым жила. Желая, чтобы сестра была счастлива. А с Кондратом ей какое счастье? Одни слезы. Она же моя кровь, княжич. Вот ты бы ей полюбился, я был бы рад. Если, конечно, твой батюшка захочет слышать о простолюдине. У вас же тоже невест молодцам отцы загодя подбирают.

– У нас в семье не так. Но если отец и будет против, я все одно по-своему сделаю.

– Может, и сделаешь. Я вижу, ты такой!

Дмитрий вздохнул.

– Вот только как мне любовь Ульяны завоевать, коли отец ее нам видаться не велит?

– Думай, княжич!

– А может, мне с Кондратом и отцом его Федотом поговорить? Пригрозить, чтоб не смели и думать об Ульяне?

– Ишь чего придумал! Хочешь, чтобы посад поднялся? Ведь народ и так вашего брата не жалуется, даже ненавидит. А тут ты с угрозами. Не посмотрят, что Ургин, поднимутся да кинутся толпой к великому князю. Бунта захотел? Что с тобой после этого будет?

– Ты прав, – согласился Дмитрий. – Такого нельзя допустить.

Григорий пододвинулся к княжичу.

– Послушай, чего я скажу. Ты остынь маленько. Давай погодим, послушаем, что отец скажет. Да и Ульяне пятнадцать годков летом будет. Хоть и говорил батюшка, что свадьба скоро, на самом деле до нее не меньше года. За такой срок, княжич, многое измениться может. А с походом на Казань и того пуще. Встретиться же потихоньку да поговорить с Ульяной я тебе, так и быть, помогу против воли отца. Возьму грех на душу. Но только, конечно, если сестрица того захочет.

Дмитрий схватил в ладони руку Григория.

– Помоги, Гриша! В вечном долгу буду. А долги я всегда отдаю.

– Не колготись. Вот и дом. Ну, княжич, с Богом. Представляю, как удивится отец, завидев тебя.

Григорий потер грудь, улыбнулся и сказал:

– Да, удар у тебя знатный.

– Забудь, Гриша.

– Ладно, идем. – Григорий подошел к калитке, отворил ее, пропустил вперед Дмитрия и заявил: – Заходи, княжич. У нас, конечно, не такие хоромы, как у тебя, но изба справная.

– Вижу, слюдяные оконца, крепкий, большой сруб.

– Отец любит, чтобы все было по уму и по совести.

Молодые люди зашли в светлицу. Кузнец сидел на лавке, положив крепкие, жилистые руки на стол. Перед ним лежал какой-то чертеж или рисунок. Он поднял глаза. В них отразилось крайнее удивление, впрочем, тут же сменившееся недовольством, раздражением.

Отец перевел взгляд на сына и осведомился:

– Ты это кого в дом привел, Григорий?

– Княжича Ургина Дмитрия Михайловича.

– Это мне ведомо. Зачем привел? Ему здесь делать нечего. Да и лавку закрыл! Что происходит, Григорий?

– Я тебе все сейчас объясню, батюшка. Ты только не горячись, не гневайся, выслушай!

– Что ж. – Кузнец кивнул. – Говори, но только кота за хвост не тяни. Давай по сути.

Григорий начал рассказ о том злосчастном лете. Недовольство и раздражение в глазах кузнеца быстро сменились интересом.

– Вот так, отец! Княжич и его товарищ Федор Колычев спасли тогда матушку и Ульяну, – закончил Григорий.

Кузнец подошел к Дмитрию и потребовал:

– Покажи!..

Дмитрий расстегнул одежду, достал образок.

Прокоп взял его в задрожавшие руки и тихо произнес:

– Да, это он! Его носила Аннушка, ее мать и бабка. – Кузнец отпустил образок, резко обернулся, прошел к лавке, встал у оконца и спросил: – И что теперь ты хочешь, княжич?

За него ответил Григорий:

– Полюбилась ему Ульяна, батюшка.

Отец оборвал сына:

– Не тебя спрашиваю! Или у княжича язык отсох?

– Правду сказал Гриша. Полюбилась мне Ульяна.

– Что, вот так только увидел, так и полюбил?

– Да! Или того не может быть?

– Может! Я и сам в Аннушку влюбился, только встретив. Да вот не судьба была прожить долго. Прибрал ее Господь. – Прокоп подошел к Дмитрию. – А скажи, княжич, неужели у тебя нет невесты?

– Нет! Как на духу говорю.

– А соизволит ли отец твой, князь, прийти ко мне, чтобы обсудить ваши с Ульяной дела, снизойдет ли до простого кузнеца?

– Ты же говорил, Прокоп, что знаешь моего отца. Разве он давал повод считать его высокомерным, брезгующим простым человеком?

– Нет, такого я о нем не слыхивал.

– Вот и ответ на твой вопрос. Скажи, когда ему прийти?

– погоди, не торопись. Ишь, заколготился. Всеу свое время. Скажу, как оно придет.

– Так я могу встречаться с Ульяной?

– Встречайся, коли она сама этого захочет. Но гляди, без баловства, чтобы все было полюдски. Опозоришь дочь, убью! Мое слово крепкое.

– О том ты мог бы и не говорить.

– Мог, но сказал.

– А как же твой уговор с отцом Кондрата?

– О нем Гришка рассказал? Язык без костей. Был уговор, но потерял силу. Почему? Не твое это дело, но отвечу. Образок Аннушка должна была передать Ульяне, а вручила тебе. Она предвидела, что ваши пути сойдутся. Отдав тебе образок, она благословила Ульяну. Это было ее предсмертное желание. А оно священо. Я не могу не выполнить последней просьбы своей жены. Придется Федору Алексееву подыскать Кондрату другую невесту. И все! Ступайте! Ты, Гришка, лавку как следует прикрой. Ты, княжич, волен делать, что тебе угодно.

– А я мог бы прямо сейчас поговорить с Ульяной?

– Ее нет в избе. Она у бабки Матрены. Захворала старая, вот Ульяна и сидит с ней. Вечером, к ужину вернется.

– Тогда я вечером подъеду?!

– Подъезжай! И ступайте, я сказал. Что-то и мне неможется. Разбередали душу. Прилягу. Дмитрий с Григорием вышли на улицу.

– Ну вот, княжич, и все дела.

– Признаюсь, Гриша, не ожидал, что отец твой так себя поведет. Думал, выгонит, ни на что не посмотрит. А он!..

– Так радуйся, княжич!

– Я и радуюсь. А вечером приду.

– О том уже говорили.

– Да, но хочу попросить тебя.

– О чем?

– Ты, Гриша, шепни Ульяне, что полюбилась она мне.

– Так сам вечером и скажешь.

– Боязно мне, Гриша.

– В драку лезть не боязно, а с девушкой поговорить испугался?

– Драка – дело привычное, а вот с Ульяной!..

– Ладно, шепну. Я на Варварку. Вечером встретимся.

– Давай, Гриша, спасибо!

– За что? Это тебе спасибо. Ну, иди.

Дмитрий вернулся домой. В обед он едва похлебал окрошки, от рыбы отказался, перекрестился и отправился к себе в горницу.

Как только он ушел, князь Ургин взглянул на супругу и сказал:

– Что-то сын какой-то не такой. Ты не заметила?

Агафья Петровна улыбнулась.

– Заметила, князь. Видать, какая-то девица нашего молодца за сердечко ущипнула.

– Девица?

– А что? Митя уже не мальчик. Вырос он, князь!

– Да, вырос! Ну что ж, так оно и должно быть. Пойдем-ка, мать, отдохнем.

В доме Ургиных наступила тишина.

На улице вновь пошел дождь. Мелкий, по-осеннему нудный, он пел колыбельную отдыхающему городу.

Глава 3. В походе на Казань

*Ты, поразившая Денницу,
Благослови на здеиный путь!
Позволь хоть малую страницу
Из книги жизни повернуть.
Дай мне неспешно и нелживо
Поведать пред Лицом Твоим
О том, что мы в себе таим,
О том, как зреет гнев в сердцах,
И с гневом дышит дух народа.
Сыны отражены в отцах...*

Александр Блок

25 июля 1524 года от Рождества Христова стан русского войска располагался на Гостином острове, недалеко от Казани. Княжич Дмитрий Ургин и его верный ратник Григорий Тимофеев постелили на траве кошму и лежали возле костра, потрескивавшего сухими дровами. Внизу, огибая остров, несла свои воды широкая, величавая Волга, бросавшая пенистые волны на песчаные берега. Тихий степной ветер играл языками пламени, разбрасывал их из стороны в сторону, заставляя молодых людей отстранять лица от костра.

Вдали чернели крепостные стены столицы Казанского ханства, которую русское войско безрезультатно осаждало уже почти двадцать дней. Кругом тоже горели костры, большие и малые. Ратники отдыхали, сложив оружие и доспехи возле себя.

Сбылись слова Степана Ивановича Колычева и кузнеца Прокопа Тимофеева. Поздней весной 1524 года русское войско двинулось на Казань. 7 июля судовая рать князя Бельского высадились на берег, через Волгу переправился отряд конницы, и началась осада города.

Русские пушки обстреливали его, но князь Бельский не решался на штурм. Он ждал подхода основных сил, конницы боярина Симского и стругов князя Палецкого, которые должны были доставить осадные орудия, порох, а главное – съестные припасы. Но ни судовая рать, ни конница не появлялись.

В стане русского войска сказывался недостаток в продовольствии. Черемисы, состоявшие на службе у тринадцатилетнего хана Сафа-Гирея, оставленного в Казани Сахиб-Гиреем, трусливо бежавшим в Крым, опустошили все вокруг, перекрыли дороги. Положение складывалось сложное. Виной этому прежде всего были непродуманные действия Шах-Али, командовавшего всеми русскими силами, посланными на эту войну.

Он презирал отрока Сафа-Гирея, не считал его достойным противником. Шах-Али написал малолетнему хану, чтобы тот сдался, но получил в ответ решительный отказ.

Более того, черемисы, мари́йцы, чуваша́и под командованием татарских начальников стали нападать на русские полки. Они не ввязывались в крупные сражения. Однако их набеги жалили как осы.

Григорий подбросил в костер веток, протянул княжичу ломоть зачерствелого хлеба.

– Возьми, Дмитрий, утоли голод.

Ургин-младший принял хлеб, вздохнул и сказал:

– Да, не так я представлял себе поход. Думал, высадимся, окружим Казань, побьем басурман в степи да пойдем на приступ. Будем мстить за наших русских людей, загубленных проклятой татарвой, освободим невольников, навсегда отобьем охоту у этих гиреев даже косо смотреть в сторону Руси. Ан нет. Не тут-то было. Стоим перед стенами и маемся бездельем. Да еще обозы где-то затерялись. Струги князя Палецкого и конница боярина Хабарова Симского запаздывают. Непонятно, о чем думают наши воеводы.

– Теперь нам только и осталось, что ждать. Раз почти двадцать дней стоим, то и дальше, до подмоги тут торчать будем. Только вот чем кормиться? Из Казани нам разносолов не привезут.

– Подойдут обозы, конница и струги. Но решится ли Шах-Али на приступ или так и будет вести переговоры с тринадцатилетним ханом?

– Сафа-Гирей в военном деле мало что смыслит. За ним другие начальники стоят. Опытные псы.

– Ну и ладно, Гриша. Будь что будет, нам с тобой все одно ничего не изменить. Интересно, что сейчас Ульяна дома, в Москве делает? – подняв очи к небу, проговорил княжич.

Григорий бросил ветви в костер, прилег на прежнее место и сказал:

– А что ей сейчас делать? Спит уже, наверное. Накормила отца, управилась по хозяйству и легла.

– Так уж и спать?

– Может, о тебе думает. – Григорий улыбнулся. – Ты же теперь ее жених. Честно говоря, не верилось мне, что твоя любовь к сестре такой сильной окажется. Еще больше я сомневался в том, что батюшка твой, сам князь Ургин, к отцу придет. Не побрезговал, пришел. Теперь, как вернемся, вы обвенчаешься. Кто бы мог подумать, что сестричка моя станет княжной, а я породнюсь с Ургинными. Раньше кто сказал бы, я бы ни за что не поверил.

– Ульяна!.. – с нежностью в голосе тихо проговорил Дмитрий, глядя на звезды, здесь такие близкие. – Кто бы знал, как мне не хватает тебя, как хочу хоть одним глазком увидеть твое личико.

– Насмотришься еще, надоест.

Дмитрий повысил голос:

– Не смей, Гриша, так говорить! Любовь до самой смерти будет жить в моей душе.

– Так я разве что против того имею? По мне любитеесь, сколько влезет. Племяшей народите побольше.

– Дети у нас будут. Все сделаю, чтобы Ульяна моя счастлива была. Верить, нет?

– Верю, конечно. Дмитрий, слово твое крепкое, мысли светлые, чувства настоящие, хоть и мечутся они внутри тебя, как птицы в клетке, ища выхода.

– Что-то мудрено ты заговорил, Гриша.

– С кем поведешься.

Дмитрий и Григорий съели хлеб до последней крошки, запили скудный ужин водой.

В отсвете костра мелькнула тень.

Григорий приподнялся на локте и спросил:

– Кого тут еще носит?

В ответ он услышал голос Родиона, слуги Михаила Ивановича Ургина:

– Ты, Гришка?

– Родион? Чего ты по лагерю бродишь, как вражеский лазутчик?

– Княжич с тобой?

– Здесь я, Родион, – ответил Дмитрий. – Что-то случилось?

Отцовский слуга вышел на свет и сказал:

– Кто знает, Дмитрий Михайлович, случилось или нет, только воевода тебя к себе кличет.

– Батюшка?

– Другого воеводы у нас нет. Велел передать, чтобы ты пришел поскорее.

– Уж не захворал ли отец?

– Нет. Был здоров, как посылал за тобой.

Дмитрий поднялся, отряхнулся.

– Что ж, воевода зовет, надо идти. – Он взглянул на Григория. – Приду скоро. А ты не жди, спи.

– Ага, ступай. Может, весть какую принесешь.

Дмитрий в сопровождении Родиона прошел к шатру воеводы, откинул полог.

– Позволь, батюшка?

– Входи, Митя.

Михаил Иванович Ургин сидел на лавке за наскоро сколоченным столом. Перед ним лежал лист бумаги с неровными краями, по углам стола горели восковые свечи.

– Садись рядом, сын. Разговор у меня к тебе есть.

Дмитрий присел на место, указанное отцом.

– Да, батюшка?..

– Ответ поначалу, что говорят у нас в войске? Мне все недосуг с ратниками потолковать.

Князь Бельский часто советы собирает. Долго на них просиживаем.

– Ты, я вижу, недоволен этим.

– Это мое дело, сын. Я задал тебе вопрос, ответь!

– В войске, батюшка, настроение мрачное. Народ не понимает, что происходит. Да и еды осталось мало, голодают ратники. Больные появились. Страха нет, но и боевой дух ослаб. Это заметно. Почему мы бездействуем, батюшка? Ведь был же момент полкам ворваться в Казань, когда крепостная деревянная стена загорелась. Но войска не пошли на приступ, даже не помешали татарам восстановить укрепления. Почему, батюшка?

– Не я командую ратью, сын.

– Непонятно, как князь Бельский, имея возможность овладеть крепостью, не решился это сделать. Тогда ради чего было стягивать к Казани войска?

– Хорошо, Митя, объясню, почему Бельский не пошел на приступ. У врага войска не только в Казани стоят. Тебе и всем ратникам это хорошо известно. Татары подвели к городу отряды из дальних улусов, подтянули черемисов, чувашей, марийцев. У Сафа-Гирея в степи войска много. Вот и подумал Бельский, что мы ворвемся в Казань и сами окажемся в осаде. Полкам пришлось бы не только драться в городе, но и отбивать нападение степного войска, которое тут же окружило бы Казань. Так князь Бельский говорил на совете. Все согласились с ним. Только я был против. Захватив Казань, пусть даже попав в осаду, мы имели бы надежные крепостные стены, главное же – продовольствие. Степняки на приступ не полезли бы, не их это дело. А там, глядишь, подошла бы конница боярина Симского, струги князя Ивана Палецкого. Нам осталось бы побить врага в степи. Нет, даже этого не потребовалось бы. Черемисы, чуваша и марийцы просто разбежались бы, лишившись управления и оценив наши основные силы. К тому же им пришлось бы бояться не столько русского войска, сколько многочисленной конницы Ногайской Орды. Ногайские мурзы враждуют с династией Гиреев и ожидают, когда мы уйдем, чтобы до конца разорить Казанское ханство, ослабленное войной с Русью. Но воеводы признали правоту решения князя Бельского.

– Тебе надо было настоять на своем, батюшка.

– Зачем, Дмитрий, говорить, когда тебя не хотят слышать? Сегодня у меня был разговор с Бельским, потому-то я после долгих раздумий и велел Родиону позвать тебя.

– Я могу знать, о чем вы говорили с князем?

– Он признал, что я был прав на том совете, когда решалось, брать крепость во время пожара или нет.

– Не поздно ли князь признал ошибку?

Ургин строго взглянул на сына.

– Не тебе, Дмитрий, осуждать князя.

– Извините, батюшка. – Молодой человек потупил голову, впрочем, остался при своем мнении.

– Так-то оно лучше. Дело не в признании того, кто был прав, а кто нет. Время ушло, и его не воротить. Знай, Дмитрий, что князь решил перенести стан ближе к крепости, на берег реки Казанки.

– Но зачем, батюшка?

– И это, Дмитрий, не твоя забота. Решение принято, и двадцать восьмого числа войска должны встать на новом месте.

– Пусть, батюшка, меня вообще ничего не касается. Возможно, оно и справедливо. Воеводы не обязаны отчитываться перед теми, кто стоит ниже их по служебному положению. Но тогда я не понимаю, ради чего ты завел со мной этот разговор.

Князь Ургин улыбнулся. Ему было по душе поведение сына, имевшего гордость, достоинство и собственное мнение, которое он был готов отстаивать.

– Князь Бельский отдал приказ воеводам сегодня ночью провести разведку всей местности вокруг Казани. Надо определить, не держат ли татары у самого города своих отрядов, которые могут напасть на полки при переходе к Казанке. Я долго думал, кого послать в разведку от нас, и решил, что пойти должен ты. Во главе конного отряда в двадцать ратников.

Дмитрий оживился.

– Вот это дело, батюшка! Я всегда готов.

– Не горячись, сорвиголова. Разведка – это не вылазка, где уместна удадь, отчаянность. Здесь главное – терпение, зоркость, смекалка, внимание. Надобно узнать то, что враг пытается скрыть от тебя, и сделать это незаметно, себя не выказывая. Понял?

– Да, батюшка, понял!

– Ты, начальник, должен явить собой пример ратникам. Только тогда они будут послушны тебе, осторожны и внимательны.

– Я все понял, батюшка. Не беспокойся, стыдиться за меня тебе не придется.

– Стыдиться – еще ладно. Не пришлось бы хоронить тебя своими руками.

– Почему ты так говоришь? Неужели я давал повод сомневаться в себе?

– Нет, Дмитрий, не давал, но и в настоящем бою ты покуда не был.

– Не по своей воле.

– Ясно, что не по своей. Значит, так, сын, давай говорить о деле. Ратников наберешь сам. Самых лучших! Разбей отряд на четыре пятерки. Причину объясню позже. В каждой назначь начальника. Ты с отрядом должен пройти по левому берегу Казанки, от ее устья вверх по течению, в обход крепости до середины городских стен с восточной стороны. Дальше ни ногой! Вдоль берега пойдешь со всей двадцаткой, прижимаясь к реке. За холмом, на котором стоит крепость, начнутся густые заросли камыша, дальше топкие места. От них поворишишь на юг. Там отряд должен разделиться. Балками, оврагами, кустами твои пятерки пройдут вдоль восточных стен, но не прижимаясь к ним, а удерживаясь на расстоянии. Смотреть надо не на город, а в другую сторону, но так, чтобы татары со стен никого не видели. Запомни, Митя, ты должен узнать, есть ли рядом с Казанью отряды врага.

– Я запомнил, батюшка, но дозвошь спросить.

– Спрашивай, – разрешил князь.

– Как быть, коли мы заметим лагерь басурман либо их перемещающийся отряд?

– Перво-наперво надо пересчитать людей и коней. Даже можно только коней, степняки пехом не ходят. Коли найдешь лагерь, после пересчета запомни место, где он разбит, тихо отведи от него своих ратников и отправляйся дальше. Увидишь движущийся отряд, погляди, куда он идет. Для этого пошли за ним пару своих людей. Но так, чтобы враг их не заметил. Иначе будет худо, Митя. Татары подымут шум, подойдет подмога, и тогда живыми вам не вернуться. Если что, бегите в камыши, на болота, к реке. Уже оттуда, улучив момент, уходите к Волге.

Дмитрий нахмурил брови

– Бежать велишь, батюшка? Но это же позор какой! Тут, что ни говори, я не согласный. Коли уж случится нарваться на татар, то надо драться с Божьей помощью. Насмерть стоять.

Дабы знали все, что русских можно убить, но победить – никогда! Я мыслю, что во имя веры православной и Руси надо биться до конца. Тут и смерть не страшна.

Князь Ургин улыбнулся краешками губ, погладил бороду и сказал:

– Все ты, Митя, правильно говоришь, достойно. Именно так и должен поступать русский человек. Но в открытом бою, сын! Там сходятся рати, на бранном поле решается судьба твоей страны, честь ставится выше жизни, а смерть воистину красна. В разведке же требуется проявлять хитрость, умение обмануть врага. Тут, Митя, надобно не умирать, но выживать. Кто сообщит о противнике в стан, коли все разведчики погибнут в схватке с врагом?

– Но разве не может получиться так, что мы напрямую выйдем на татар? Спустимся в балку какую, а там отряд Сафа-Гирея! Что, и тогда бежать? Пытаться трусливыми зайцами спрятаться в камышах?

– Нет, Дмитрий, вот в этом случае бежать уже негоже. Коль столкнетесь лоб в лоб с казанцами, то деритесь! Но и тут надобно действовать с умом. Атаковать врага первыми. При этом ты должен помнить, что татары начинают сражение очень храбро, но долго не выдерживают и пускаются наутек. Вот только бегство это притворное. Убедив противника в своем поражении, они внезапно поворачивают лошадей и бросаются на расстроенные ряды врага. Или же татары выманивают его в поле и устраивают настоящую пляску. Они огибают отряд преследователей и носятся по кругу, стреляя из луков. Посему, нанеся удар по внезапно встретившемуся неприятелю, ты не должен ни в коем случае преследовать его. Пусть уходят те, кто уцелеет. А у тебя будет время укрыть свой отряд.

– Я понял, батюшка!

– Это хорошо, что понял. Теперь скажи, почему ты не спросил меня, как же конным группам идти по камышам и оврагам?

– Так я и не собирался вести отряд от реки на конях. Там мы, конечно, пешком пойдем. Всадники будут видны татарам везде, и в камышах и в балках. А это значит, что мы загубим дело, не успев его начать. Коней, по моему разумению, следует оставить в какой-нибудь лощине за крепостью под присмотром опытного ратника, чтоб не разбежались.

Улыбка князя Ургина стала шире.

– Молодец, Митька! Догадался!

– Так тут и догадываться нечего было. Да и учили нас.

– Хорошо! Теперь давай поглядим по чертежу, где и как поведешь отряд.

– Откуда он взялся у тебя, батюшка?

– Всем воеводам раздали такие. Татарин-перебежчик рисовал. Проверяли, вроде все верно отобразил. Подвинься ближе!

Спустя некоторое время Дмитрий Ургин вышел из шатра отца и вернулся к костру, у которого задумчиво сидел Григорий.

Тот завидел княжича и спросил:

– Зачем отец звал?

– Дело нам предстоит серьезное, Гриша!

– Какое?..

– Князь Бельский решил двадцать восьмого числа перенести стан поближе к крепости. Войско должно встать на берегу Казанки. Таково решение совета.

– Ладно, но это, по твоим словам, будет двадцать восьмого, а сейчас-то какое может быть дело?

– До того как отправлять войска на новое место, надо провести разведку вокруг Казани, узнать, есть ли у города вражьи отряды, которые могут досадить нам, – объяснил ситуацию Дмитрий и продолжил: – Нынче ночью каждый полк высылает к Казани разведчиков. Нам тоже приказано отправить отряд.

– Уж не тебя ли князь назначил его начальником?

- Угадал, меня!
 - Вот здорово! И что делать будем?
 - Ты не слышал? Отряд собирать.
 - Я первый, коль возьмешь!
 - Конечно, первый. Слушай, Гриша, ты людей в полку лучше меня знаешь.
 - Понятное дело. Тут почти все наши, посадские.
 - Так вот, пройдишь по лагерю, отбери двадцать человек и выведи их к табуну. Чтобы все были в юшманах с бахтерцами, в шишаках с бармицами. Из оружия взять сабли, ножи, сулицы. Четверым иметь бердыши. Еще найди конюха. Он тоже будет нужен. Людей выбери опытных, смелых, крепких. Трое из них будут начальниками. Есть такие, кому приходилось это делать?
 - Насчет начальников не знаю, остальных найду. А уж кто кем будет, скажешь сам.
 - Хорошо! Запомни, Гриша, разговаривай с людьми, отведя в сторону. Не при всех. Чтоб уходили к табуну по одному, тихо!
 - Ты чего-то опасешься? Мыслишь, что среди наших могут быть татарские лазутчики?
 - А ты уверен, что в полку таких нет?
- Григорий пожал плечами.
- Не знаю. Надеюсь, что нет, но не уверен.
 - Вот! Потому и действуй тайно.
 - Сам-то где будешь?
 - Пока здесь. Как выведешь людей, придешь. Вместе отправимся к отряду. Тогда и скажу, куда и как пойдем.
 - Понятно.
 - Ступай!

Григорий ушел. Дмитрий не стал подбрасывать в костер дров, все одно гасить скоро. Он прилег на кошму.

Около полуночи вернулся Григорий и сообщил:

- Дмитрий, я собрал отряд. Людей, как ты и говорил, взял дельных, с татарами уже воевавших. Ваня Хмель, Елизар Черный, Филимон Муха. Остальные – их товарищи.
- Хочу знать, Гриша, все ли по доброй воле пошли в отряд? – поинтересовался Дмитрий.
- Все, княжич. Вот те крест!
- Ладно, вот и хорошо! Значит, все готовы?
- Да, в балке собрались. Тебя ждут.
- Идем. – Дмитрий поднялся, облачился в доспехи, вооружился саблей, двумя ножами. Григорий в это время затоптал тлевшее кострище, свернул кошму. Ургин-младший вышел в балку. Ратники стояли полукругом, держа коней за поводья.
- Здоровы были, воины! – поприветствовал добровольцев Дмитрий.

Те вразнобой ответили ему:

- И тебе здравствовать, княжич!

Дмитрий осмотрел ратников, встал в середине полукруга и заявил:

- Слушай меня! Сейчас верхами движемся до правого берега Казанки. Проходим мимо холма, на котором стоит крепость Сафа-Гирея. За холмом будет лощина у небольшого затона. Там оставляем коней под присмотром... – Ургин-младший взглянул на Григория.

Тот крикнул в строй:

- Игнатий, ты где пропал?
- Тут я, Гриша, – раздалось слева от строя.
- Игнатий Шляга – парень здоровый, – сказал Тимофеев. – Малость неповоротливый, но любого сломает, коли надо. Поэтому я и взял его в конюхи.

Дмитрий кивнул и продолжил:

– Под присмотром Игнатия Шляги. После того проходим пешком до камышей у болот. Подбираем место, откуда будет видна восточная сторона городской крепостной стены, и устраиваемся на привал. После отдыха скажу, кому что делать. Если кто что хотел узнать, спрашивайте.

Ратники молчали. Всем и без вопросов все было ясно.

– Нет таковых. Хорошо. Должен напомнить, что отряд выходит на разведку. Мы обязаны выведать, не прячутся ли вокруг Казани вражеские отряды. И только! Биться с татарами нам нельзя. Будем таиться. Если нас обложат, то сигнал к драке подам я сам. А не смогу я, это сделает Григорий Тимофеев.

Из строя раздался голос с хрипотцой:

– Дозволь слово молвить, княжич.

– Это кто? – спросил Дмитрий.

– Филимон Муха.

– Говори, Филимон, – разрешил Ургин-младший.

– А коли получится так, что ни ты, ни Гриша сигнала подать не сможете? Тогда как нам быть?

– Тогда, Филимон, бейте татар без сигнала.

– Дело! Это по-нашему.

– Однако не забывайте, что мы идем не в бой, а на разведку. Мои слова касаются крайнего случая, если нарвемся на татар впрямую, лоб в лоб.

– Понятно.

Дмитрий повернулся к Григорию.

– Ты мой помощник. Раздели отряд на пятерки. В первой начальник я. В нее пойдешь и ты. Значит, к нам надо еще троих. Распредели людей.

– Угу. Это мы быстро, княжич.

Григорий выкрикнул имена, и к Дмитрию подошли три ратника.

Тимофеев представил их:

– Иван Хмель, Елизар Черный, Филимон Муха.

Княжич осмотрел людей и сказал:

– Вы назначаетесь начальниками трех пятерок. Объясню, зачем мы делим отряд. За камышами нам придется разойтись и осмотреть местность с разных сторон. Предупреждаю, из видимости друг друга не уходить, в случае столкновения с татарами ждать моего сигнала! Я буду рядом с вами. Не идти дальше середины крепостной стены. Увидите лагерь татар, сразу запоминайте место, укрывайтесь и считайте их коней или самих басурман. Коли встретится отряд казанцев на стороне, то надобно будет послать за ним одного или двух человек, чтобы их перечесть и проследить, куда те пойдут. Людям, которые двинутся за татарами, потом своих не искать, идти к лощине, к коням, там ждать остальных, сберегая табун вместе с конюхом. Еще одно. Коли придется сразиться с врагом, то драться смело, решительно. Побегут татары, их не преследовать. Это запомните крепко и своим ратникам скажите. Вы повадки татар знаете, заманят притворным бегством в западню и перебьют. Этого допустить нельзя!..

Иван Хмель улыбнулся и сказал:

– Позволь спросить тебя, княжич.

– Спрашивай, коли надобность есть.

– Интерес у нас, откуда ты повадки татар знаешь? Вроде молод, вряд ли прежде с ними дрался. Или мы ошибаемся?

– Не ошибаетесь, – признался Дмитрий. – С татарами мне драться еще не приходилось. Отец научил, как с ними воевать.

– Это верно, князь Ургин – воевода опытный.

– Кто еще хочет сказать или спросить?

– Да понятно все, княжич. Нам не впервой на разведку ходить, вылазки делать, да и на поле биться с басурманами проклятыми, – сказал Елизар Черный, а Филимон Муха добавил:

– Ты, княжич, в нас не сомневайся. Не подведем.

– Хорошо. Поговорили, в путь пора.

За полночь, когда небо заволокло тучами, отряд княжича Дмитрия Ургина вышел на берег Казанки. Вдоль реки всадники передвигались медленно, озираясь по сторонам. Опасность могла поджидать их где угодно.

На вершине высокого холма на фоне темного неба чернели башни крепостной стены. За ними виднелись высокие строения. Крепость выглядела устрашающе. Казалось, наверху вот-вот раздастся боевой клич татар, и по крутому склону ринутся к Казанке их орды. Но крепость молчала, словно вымерла.

Мгла, опустившаяся на землю, помогала русским ратникам. В то же время она не позволяла разглядеть что-либо, находящееся в двух десятках сажень. Воины Дмитрия в напряжении сжимали в руках оружие, приготовленное к бою, саблю, сулицу или бердыш. Напряжение людей передалось и коням. Они шли друг за другом, прижав уши.

Всадники одолели шесть верст. Крепость осталась позади. Перед Дмитрием, возглавлявшим отряд, открылась лощина у небольшого затона. Она была невелика, но отряд мог в ней укрыться.

Ратники спешили и связали друг с другом коней. Они стреножили только Коршуна и молодого жеребца Филимона Мухи. Табуном занялся Игнатий Шляга. Он умело сбил его в кучу, но прежде дал коням напиться из реки.

Дмитрий осмотрел местность у лощины и повел отряд к камышам, которые чернели впереди сплошной стеной. Было так тихо, что людям становилось не по себе. Кругом вроде царило спокойствие, но ратникам казалось, будто опасность затаилась где-то рядом, совсем близко. Протяни в сторону руку, и она рубанет по ней острой кривой саблей.

Дмитрий поежился.

Григорий, шедший рядом с ним, заметил это и спросил:

– Боязно, княжич?

– Тише ты! Сейчас любой звук далеко разносится, – цыкнул Ургин-младший на своего помощника.

– Конечно, боязно, – уже тише, почти шепотом проговорил Григорий. – Мне тоже как-то не по себе. Впервой такое чувство.

– Ты не болтай, Гриша, а лучше поглядывай в сторону города.

– А чего туда смотреть, коли не видно ни зги!.. Да и до камыша осталось недалече. Там надо быть осторожным. Хмель говорил, топкие места тут часто попадают.

– Он откуда знает?

– У него и спроси. Он своих людей за нами ведет.

– Ни к чему. Глубоко в камыши не пойдем, а в начале, где заросли, топи быть не может.

– Да, ближе к болоту земля всегда сырой становится, появляется осока...

Дмитрий оборвал его:

– Молчи, Гришка! Смотри и слушай.

– Тишину, что ли, со мглой в обнимку?

– Хотя бы и так.

– Ладно.

Отряд приближался к камышам.

Опасность действительно находилась рядом. Три молодых ханских нукера лежали в неглубокой канаве недалеко от крепостной стены города. Это был один из сторожевых нарядов

казанцев. Татары заметили отряд, когда он вышел из лощины. Шесть черных раскосых глаз внимательно смотрели на пеших русских воинов, появившихся из тьмы.

Галим, старший наряда, толкнул соседа слева и приказал:

– Юсуф, беги через потайной ход в город, к мурзе Юнусу. Скажи, у Казанки объявились урусы. Двадцать ратников. Идут к камышам.

Юсуф кивнул головой, облаченной в мисюрку, согнулся и побежал к крепостной стене.

Галим повернулся ко второму нукеру и сказал:

– Урусы не могли идти от реки пешком. Лошадей они оставили где-то рядом.

– Здесь есть только одно такое место, лощина у затона. Там можно спрятать небольшой табун.

– Ты прав, лощина!.. Подберись к ней, погляди, сколько урусов охраняют табун. Если двое-трое, то убей их. Твой глаз остр, стрелы всегда попадают в цель. Надо увести табун. Мурза узнает о лазутчиках и выведет нукеров из города, чтобы уничтожить их. Но урусы могут заметить наш отряд мурзы и попытаться бежать. Надо лишить их этой возможности. Без лошадей урусы далеко не уйдут, наши конники догонят их и перебьют как бешеных собак. Ты меня понял, Ильяс?

– Понял, Галим.

– Так иди! Гони табун к крепости.

– Я все понял.

– Да поможет тебе Всевышний!

Ильяс тоже скрылся во мгле.

Быть бы большой беде, если бы не опыт и смекалка Филимона Мухи. Когда Дмитрий прошел балку перед полем, подходящим к камышовым зарослям, Муха догнал его.

Княжич удивился его появлению и спросил:

– А ты чего тут?

– Позволь сказать!..

– Говори, коли есть что сказать.

– Есть! Татары заметили нас.

– Что? Какие татары? Мы никого не видели.

– Зато они разглядели нас.

Дмитрий повернулся к Григорию и приказал:

– Останови отряд!

Но Филимон Муха заявил:

– Не делай этого, княжич. Тогда татары поймут, что мы их тоже их заметили.

– Постой, Гришка! А ты, Филимон, говори понятней.

– Не гневайся, княжич, но я нарушил твой приказ идти единым путем.

– Почему?

– От берега поля не видно. Ночь-то какая темная!

– И что?

– Я выслал Гордея Степанова – Григорий его знает – велел ему идти поодаль от отряда, ближе к крепостной стене. Он только сейчас вернулся, сказал, что чуть было не напоролся на ханский сторожевой пост. Недалече от городской стены в канаве сидели три нукера. Они увидели отряд. Один сразу побежал к стене, а второй чуть позднее направился к лощине, где мы оставили коней. Третий, видимо, их старшой, остался смотреть за отрядом. Мыслию, тот, что рванул к городу, послан предупредить татар о нашем появлении, а второй – увести табун, чтобы мы не смогли уйти к своим.

Дмитрий резко остановился и заявил:

– У нас в лощине один конюх! Татарин легко убьет его стрелой. Тогда мы лишимся коней.

– Не о том переживаешь, княжич! Игнатия Шлягу не так просто взять. Скорее он прибьет басурманина. О конях не беспокойся. Думай о том, что впереди нас будет засада. Это, княжич, как пить дать! Татары не упустят случая разделаться с нами, если, конечно, мы им не помешаем.

– Как помешаем, Филимон?

– По закону, княжич, коль разведка обнаружена, то надо уходить обратно в стан. Причем немедленно, чтобы не попасть под неприятеля.

– Что-то я не слышал о таком законе.

– Это закон жизни, княжич, на бумаге он не писан.

Дмитрий повернулся к Тимофееву и спросил:

– А ты что мыслишь по этому поводу, Гришка?

– Муха прав. Уходить надо, пока не поздно!

– Вернуться с позором?

– А коли нас тут всех перебьют или в полон возьмут татары? Уж они-то вволю над нами поиздеваются.

– Понятно! Значит, предлагаете бежать?

– Уходить, княжич, а не бежать! – заявил Муха. – Никто ничего тебе в укор сказать не посмеет. Нельзя сделать того, что выше сил человеческих.

Дмитрий неожиданно озорно взглянул на Муху, потом на Гришку и заявил:

– Да, вы правы, нельзя свершить невозможное. Но то, что нам по силам, надо делать.

– О чем ты? – удивленно спросил Григорий.

– Татары знают о нас, но нам об этом известно, так?

– Так. И что?

– Они непременно выведут отряд, чтобы нанести неожиданный, как считает их мурза, удар по нам, так?

– Так.

– Но неожиданным-то удар у татар не получится.

– И что? – продолжал задавать один и тот же вопрос Григорий.

– Да то, что мы сами можем устроить засаду татарам.

– Эка хватил! – удивился даже Муха. – Это как же так?

– Надо подумать, а пока медленно идти дальше. Тебе же, Филимон, надо отправить Гордея обратно к татарскому посту. Пусть он схватит этого старшего и сразу даст какой-то знак, махнет саблей, к примеру. Сейчас же отправь пару человек к лошине. То, что ты уверен в Шляге, хорошо, но надо точно знать, что табун на месте, да и Игнатий тоже. Этим людям быть при конях, чтобы подогнали их, куда будет потребно.

– А чего с татариним делать, который в канаве сидит? Удавить его?

– Я же сказал, схватить. Тот, кого пошлешь на пост, должен на их языке говорить. Найдется такой?

– У нас почти все, кроме самых молодых, по-татарски болтают.

– Твой человек должен связать того татарина, допросить его, узнать, откуда и сколько людей поведет мурза на наш отряд. Вывесть все, что только можно, не слишком усердствуя в пытках. Особо спросить, сколько ханских отрядов гуляют вокруг города, по степи, вдоль рек, в лесу. Где у них разбиты лагеря? Как расскажет, что знает, пусть твой ратник тащит татарина к реке и догоняет отряд. Мы заберем басурманина с собой на обратном пути, как только разделаемся с отрядом мурзы. Может, и еще пленных возьмем, как повезет! С ними наши воеводы отдельно поговорят, по-свойски.

– Ну ты даешь, княжич! – с нескрываемым изумлением, смешанным с восхищением, воскликнул Филимон Муха. – Молодой, да ранний, как я погляжу. Отчаянный, весь в отца.

Это надо ж такое придумать! Ты только поразмысли хорошенько, перед тем как затеять под стенами Казани кровавую игру с татарами. Да не ошибись. Слишком дорого это нам обойдется.

– Ты ступай, Филимон, и делай, что сказано. Я хорошо подумаю. Если что, то и мне придется вместе с вами смерть от татар принимать, хоть и красную, но лютую. А я пока не собираюсь помирать, меня невеста на Москве ждет.

– Да! – проговорил Муха. – Ургины такие, что старший князь, что младший. А про невесту твою мы знаем. Считаю, весь посад только о том и говорил перед походом.

Филимон Муха пошел обратно. Дмитрий махнул рукой, и отряд, остановившийся на мгновение, но не нарушивший походный порядок, продолжил путь. Теперь уже ратники шли в неизвестность, ибо никто, кроме Господа Бога, не мог знать, что произойдет дальше.

В это время нукер Ильяс стремился исполнить приказ. Он, петляя, как заяц, бежал к лощине, поддерживая колчан со стрелами.

Игнатий Шляга следил за табуном, но по лощине не ходил. Он понимал, что татары могли заметить отряд, увидеть остановку разведчиков, скопление коней у затона. Они могли попытаться воспользоваться моментом и увести табун. Посему Игнатий, человек опытный, постоянно держал коней в поле зрения. Он поднялся по пологому склону и залег меж двух кустов.

Шляга сразу увидел татарина, приближавшегося к лощине, и подумал: «Вот и дорогой гостюшка! А почему один? Может, татары видели, что с табуном остался только я? Хорошо, встретим молодца как подобает, по русскому обычаю».

Игнатий достал из-за пояса нож, огляделся и затаился меж кустов. Он следил за приближением врага.

Ильяс добежал до балки и пополз к лощине. Он разглядел кусты на гребне и решил выбраться к правому из них, самому близкому. Лощина оттуда была хорошо видна. Нукер быстро дополз до намеченного места, приготовил лук, достал стрелу, наложил ее на тетиву. Потом Ильяс снял мисюрку, чтобы остаться незамеченным, и выглянул из-за гребня.

Кони стояли внизу, у реки, связанные между собой. А вот сторожа при них не было. Это удивило татарина. Он снова высунулся из-за гребня и опять никого не увидел.

– Шайтан!.. – только и проговорил он, как предчувствие угрозы, вдруг вспыхнувшее в нем, заставило нукера резко обернуться.

Ильяс и крикнуть не успел, как нож Шляги распорол ему горло. На землю из безобразной, широкой, смертельной раны толчками хлынула черная кровь. Тело задергалось в предсмертных судорогах. Кони почуяли беду, заржали, но тут же умолкли.

Игнатий осмотрелся, вытер нож и засунул его за пояс.

Тело, все еще дергавшееся, он подтащил к ближайшей канаве, бросил в нее и проговорил:

– Вот так, пес шелудивый. Получил, что хотел. Сполна. Шлягу надумал взять? Дурак! Тьфу, собака!

Игнатий вернулся на прежнее место, в кусты. Татары поймут, что их лучник попал в засаду. Они могут прислать сюда других своих людишек. Не успокоятся. Так что ему следовало оставаться начеку. Шляга погладил бороду, потрепал бармицу на шлеме и продолжил внимательно осматривать подходы к лощине, теперь не только от города, но и со стороны Казанки.

Гордей Степанов, посланный на захват старшего татарского сторожевого поста, пошел не напрямую, а в обход. К канаве, где сидел Галим, он подобрался от крепостных стен.

Галим, напрягая зрение, смотрел в сторону лощины. Оттуда вот-вот должен появиться табун, захваченный Ильясом. У крепостных стен его встретят люди мурзы Юнуса. Но кони не появлялись. Видимо, русские крепко связали меж собой лошадей, и Ильясу приходилось перерезать веревки.

Галим услышал сзади какой-то шорох и обернулся. Никого. Наверное, полевая мышь пробежала рядом. Он отложил в сторону изогнутую саблю – клыч, почесал жидкую бороденку

и хотел вернуться к наблюдению за лощиной. Но тут огромная тень закрыла канаву, и в глазах татарина вспыхнули тысячи искр.

Это Гордей Степанов запрыгнул в канаву и с ходу ударил старшего сторожевого поста пудовым кулаком в переносицу. Татарин охнул и завалился на спину. Гордей достал веревку, связал пленника, приподнялся над краем канавы и махнул саблей, подавая условный знак в отряд. Потом он влепил татарину пощечину. Тот очнулся, дернулся, но понял, что связан, и затих.

Степанов склонился над ним и сказал по-русски:

– Что, собака, попался?

Галим что-то быстро залепетал на родном языке.

– Заткнись, – уже по-татарски приказал Гордей.

Старший поста замолчал.

– Коли, паскудник, хочешь жить, то должен ответить на мои вопросы. – Гордей достал нож. – Иначе я тебе сталь под кольчугу в живот всажу, чтобы подышал мучительно и долго. Будешь говорить, псина?

Галим утвердительно закивал лысой головой, с которой слетела мисюрка. Он плохо видел, так как его глаза заплыли от удара в переносицу, но слышал страшного, здоровенного русского ратника очень хорошо.

– Да, я буду говорить. Спрашивай, что хочешь узнать.

Гордей выведаль у старшего поста все, что требовалось, стянул с него ичиги, сделал из вонючей портянки кляп и плотно забил его в рот пленнику. Затем он взвалил татарина на себя, пригнулся и побежал к реке.

В это же время со стороны, куда ушел отряд, к ложине приближались двое. Конюх заметил их и подумал поначалу, что это татары. Вскоре он узнал своих, но из укрытия не вышел.

К ложине подошли Матвей Гроза и Иван Булгак, отправленные сюда Мухой, и посмотрели вниз.

Потом Гроза проговорил:

– Что-то не видать нашего Шляги! Не утащил ли его басурман?

– Нет, – сказал Булгак. – Тот татарин должен был табун увести. Но Игната и вправду нет.

– А вот я вас!.. – раздался за их спинами хриплый голос.

Ратники резко обернулись, отскочили друг от друга и выхватив сабли.

Шляга, который зашел за спины товарищей, усмехнулся и спросил:

– И зачем сабельки вытащили? Если бы не я, а татарин сзади подошел, то лежали бы вы, ребята, со стрелами в груди.

– Тьфу на тебя, – проговорил Гроза. – Напугал. Да как тихо подошел-то! А если бы я рубанул тебя?

– О чем ты, Матвей? Разве успел бы? Тут до вас уже приходил один шустрый татарин по наш табун. Он тоже хотел в меня стрелу вонзить, да просчитался малость. Сейчас в канаве лежит с перерезанным горлом. А вы чего заявились?

– Тебе на помощь, – сказал Иван Булгак.

– Кто вас послал?

– Филимон Муха по приказу княжича Ургина.

– А чего Дмитрий не привел весь отряд? Казанцы нас заметили. Пора уходить к своим, в стан.

– Он по-другому решил.

– Как?

– Не бежать от басурман, а устроить им засаду да порубить в куски.

– Лихо! Только как бы самим не попасть под татарские стрелы.

– О том ему думать.

– Так-то оно так. Да, в отца пошел княжич. Михаил Иванович тоже любитель устраивать татарве какую-никакую пакость. Он частенько бивал басурман, когда по всему должен был потерпеть поражение. За то его великий князь и жалует. Ургины при дворе в почете.

– Эх, Игнат, а то ты не ведаешь, что сегодня он в почете, а завтра в опале. Бояре да князья готовы глотки друг другу рвать за жирный кусок.

– Но Ургин не такой.

– А злые языки на что? Оклеветают враз, и все дела. Князь Василий сейчас особо озабочен не правлением, а тем, что супруга его сына родить никак не может. Наследника в Московии как не было, так и нет.

– Как нет? А братья великого князя?

– Все это не то! Ему сын нужен, прямой наследник. А его-то и нет.

– Так, может, еще разродится Соломония?

– Надежды уже нет. Но это не наше дело. Нам приказано табун беречь, так что начальству, Шляга!

Ратники укрылись среди кустов, в канаве, вдоль гребня лощины. Кони быстро успокоились. Они чувствовали своих.

Гордей Степанов бросил связанного татарина на берегу, у самой воды и побежал догонять отряд. Он доложил Мухе, тот повел ратника к Дмитрию.

– Ты, Гордей, сделал все, как я сказал? – спросил Ургин-младший.

– Да, княжич!

– Допрос удался?

Степанов усмехнулся.

– У меня, княжич, пленники не молчат.

– Что сказал татарин?

– Первое и весьма важное, княжич!.. У татар с этой стороны есть потайной подземный ход с поля в город. Пленник знает о нем.

– Уже хорошо и действительно важно. Дальше?

– Старшой поста этим ходом послал гонца к мурзе Юнусу. Тот не особо ладит с другими местными князьками и желает добиться расположения малолетнего хана Сафа-Гирея. Это важно. Мурза Юнус не станет говорить кому-либо в городе, что его люди обнаружили русский отряд. Он попытается своими силами уничтожить его. То бишь нас.

– Сколь велики эти силы?

– У Юнуса сотня нукеров, но более половины ее выставлено на стены города либо на полевые посты. Таких у него три – тутошний и еще два на южной стороне. Вывести в поле мурза может не более двух десятков нукеров, да и то неопытных. Хороших бойцов забрали в крепость.

– Спрашивал, в конном или пешем порядке пойдут татары на нас?

– Спрашивал. Старшой поста сказал, что конников мы увидим издали, поэтому мурза Юнус выведет пеший отряд. Засаду он устроит где-нибудь в поле, спрячет нукеров с луками в балках. На всякий случай мурза может оставить с десятка конников в городе, чтобы они помогли, коли дело пойдет не так, как он задумал.

– Значит, выведет лучников, – проговорил Дмитрий. – Они будут бить по нам издали, не давая приблизиться.

В разговор вступил Григорий:

– Вот и я о том же, княжич! Как мы устроим татарам засаду, коли они разбегутся по балкам и там станут ждать нас? Все овражки нам не перекрыть.

Дмитрий выслушал Тимофеева, никак не отреагировал на его озабоченность и спросил Степанова:

– Сам мурза пойдет с войском или останется в крепости?

– Про то старшой поста не ведает, но думает, что Юнус выйдет в поле. Он хоть и немолод, но горяч и, как я уже говорил, стремится отличиться.

– Он у меня так отличится, что будет волосы из своей бородки рвать.

– Княжич! – вновь вмешался Тимофеев. – Ты опять за свое. Как, скажи, мы, восемнадцать ратников, сможем устроить этому Юнусу засаду в поле?

– А мы не пойдем в поле.

Тут уж переглянулись и Григорий, и Гордей Степанов, и Филимон Муха.

– Как не пойдем? – спросил Тимофеев.

– А вот так, Гриша! Давай, зови сюда Ивана Хмеля и Елизара Черного. Совет держать будем, пока на то время у нас еще есть! Только быстро, Гришка!

– Ну, Дмитрий!.. – только и произнес Григорий и отправился за начальниками пятерок.

Дмитрий вновь повернулся к Степанову и спросил:

– Где ты оставил пленника?

– Тут недалече, у реки, – ответил Гордей.

– Связал хорошо? А то татары мастера выбираться из пут.

– Хорошо, княжич. Из моих пут никакому татарину не вылезти.

– Смотри! Этот старший поста – весьма ценный пленник. Одно то, что он про ход подземный знает, уже важно. Вот взять бы еще мурзу, тогда совсем дельно было бы. Надобно под Юнуса отдельно людей подобрать, чтобы за ним одним охотились.

Степанов только покачал головой. Он не верил в успех затеи княжича. Подобного на его веку еще не было. Но вида Гордей не показывал, хотя и сожалел о том, что князь Ургин не поставил во главе отряда другого человека.

Даже Гришка не поддерживал юного полководца. Но это мало беспокоило Дмитрия. Главное, что он верил в успех своей затеи и знал, что надо делать, чтобы добиться своего.

Подожли начальники пятерок – Иван Хмель, Елизар Черный, с ними Григорий.

Дмитрий заявил:

– Скоро татары выйдут из крепости. Под началом мурзы Юнуса либо без него, но выберутся, чтобы уничтожить нас. Мы взяли важного пленника и, конечно, можем отступить. Но достойно ли то будет для русской дружины?

– Что предлагаешь ты? – спросил Хмель.

– Войти в камыши, оттуда посмотреть, как пойдут татары, где займут места для засады. Потом зайти к ним в тыл и напасть. Мне известно, что мурза отправит своих нукеров в балки, откуда те могли бы стрелять в нас, когда мы выйдем в поле. Надо обмануть и опередить их.

– Рискованная затея, княжич, – проговорил Черный.

Однако Муха вдруг поддержал Ургина-младшего:

– Надо делать так, как сказал княжич. Если нельзя будет напасть на татар, зайти им за спину, то уйти мы всегда успеем. Вызовем Шлягу, Грозу, Булгака с конями, и видали нас татары! Не успеют они очухаться, как мы прорвемся к своим. Надо биться.

Дмитрий взглянул на Хмеля и спросил:

– Что скажешь, Иван?

Богатырь пожал плечами.

– Биться, так биться. Мне не впервой. Да и всем тут, кроме тебя, княжич, да Гришки. Я согласен.

– Ты, Черный?

– Я как все.

– Добро! Тогда выходим в камыши и следуем вдоль зарослей, не показывая себя. Внимательно смотрим на крепостную стену. Татары должны выйти из города пешком. Если мы их заметим, то, считай, полдела сделаем.

Хмель улыбнулся и заявил:

– Горяч ты, княжич, да оно и к лучшему! Веди отряд.

Ургин-младший обернулся к Мухе.

– Ты, Филимон, да два твоих ратника идите сзади. В камышах остановитесь. Дальше мы пойдем без вас. Вам надо смотреть, чтобы татары не прорвались к ложине, да предупредить меня, коли им со стороны поста пойдет помощь. Конечно, вряд ли такое случится, но надобно беречься. Ты понял меня, Муха?

– Конечно, княжич, как не понять. Только для этого и одного Гордея Степанова хватит. Дозволь мне и Степке идти с тобой.

– Нет, Филимон! Ты нужнее здесь. Мы будем чувствовать себя спокойнее, зная, что у нас есть какой-никакой запас сил. А с двумя десятками нукеров мурзы Юнуса мы и без твоих ратников справимся.

– Ну, гляди, княжич. Мое дело предложить!

Дмитрий отдал команду. Отряд побежал к камышам и вскоре уже шел по зарослям. Татары из города не появлялись.

Пройдя половину пути к полю, Григорий остановил Дмитрия.

– Княжич, глянь, какой овраг справа.

Поле там действительно разрезал овраг необычной формы, похожий на конскую подкову, доходящий почти до самого камыша. Левая дуга была шире и глубже, правая – уже и мельче.

Дмитрий посмотрел на овраг, затем на Григория и сказал:

– Да тебе, Гриша, оказывается, в походе цены нет!

– Не только в походе, но почему ты так сказал?

– План меняется. Кличь сюда Хмеля, Черного и Муху.

– Ничего не понял!

– Зови, Гриша, быстрее!

Младшие начальники подошли.

– Что еще, княжич? – спросил Хмель.

– Глядите вправо, на овраг.

– Ну? Овраг как овраг, только закрученный.

– Будем бить татар здесь.

– Как это?

– Слушай меня. Ждем, как татары пойдут из города. Тут же ты, Хмель, заводишь своих людей в широкую дугу. Да так, чтобы враг увидел это.

– Но зачем?

– Не перебивай! Следом за Хмелем туда же уходят люди Черного.

– Еще лучше! – проговорил Елизар Черный и спросил: – Это чтобы татары могли нас быстрее перебить?

– Шутковать в стане будешь. Вы войдете в широкую сторону оврага, пробежите по нему и левой дугой вернетесь в камыши. Потом мы поглядим, что станут делать татары. Мурзе доложат, что русские спустились в овраг и в нем затаились. Он решит воспользоваться подвернувшимся благоприятным случаем, быстро подведет своих нукеров к оврагу и нападет на глупых русских, которые решили кучей затаиться в овраге. Ведь мурза тогда, считай, получит победу без боя.

– Ты думаешь, что он клюнет на эту приманку? – спросил Хмель.

– Поглядим. Я не ведаю, насколько Юнус силен в военном деле, но мне известно, что он очень хочет отличиться перед малолетним ханом Сафа-Гиреем. А тут такой случай, легкая добыча!

– Ну а мы что? – спросил Черный. – Из камышей нападём на татар?

– Это будет видно, когда татары подойдут к оврагу. Еще кто желает задать вопрос?

Таковых не нашлось.

В это время дозорный, находившийся впереди, подбежал к Дмитрию и доложил:

– Княжич, вышли татары из города. Пехом, с саблями, луками и колчанами. Двадцать человек их. Во главе знатный воин, по одеже видать.

– Куда направились?

– Да в ближайшую балку.

– Хорошо, ступай на место. – Дмитрий обернулся и приказал: – Хмель и Черный, подводите людей сюда, да без шума, тихо. Ты, Муха, будешь при мне.

– А как же дозорный?

– В нем теперь нет надобности. Всех ведем к моим людям и будь с ними. Григорий, ступай за мной!

– Иду, княжич.

Ургин-младший и сын кузнеца залегли в зарослях, откуда хорошо просматривалось все поле. Дмитрий первым увидел отряд казанцев. Не считая, конечно, дозорного, находившегося впереди.

– Вот они, проклятые!

– Где, Дмитрий?

– Гляди в сторону рощи.

– Ага, вижу! Сюда смотрят с холма.

– Да, там трое. Среди них знатный татарин, наверное, мурза Юнус. Это хорошо! Передай Хмелю и Черному, чтобы начали заводить людей в овраг.

– Да, мигом.

Ургин видел, как ратники пошли в овраг. Заметили их и татары. Мурза с нукерами исчезли с холма. В это время тучи разошлись, и местность осветила луна. Татары сейчас следили за маневром русских. То, что надо! Ратники прошли овраг и вернулись в камыши, Хмель, Черный и Муха собрались возле Дмитрия, который поручил наблюдение Григорию.

– Что, княжич? – спросил Хмель.

– Татары видели вас. Теперь будем ждать ответных действий мурзы.

Тут объявился Григорий и сообщил:

– Княжич, татары двинулись. Прыгают из балки к балке, огибают овраг полем.

– Хорошо. Ратников поставить вдоль камыша. Всем ждать команды. Тебе, Муха, со своими людьми надобно захватить мурзу. Передать всем воинам, чтобы его в пылу не посекли до смерти.

Начальники разошлись. Ратники, скрытые от врага, расположились на краю камышовых зарослей. Дмитрий с Григорием вышли на прежнее место наблюдения.

– Ну и где наши татары?

– Так вон, по всему полю прыгают.

– Их вижу! А мурза?.. Ага, вон он, в окружении троих нукеров. Что у крепостной стены?

– Ворота башни закрыты.

– Сколько времени понадобится конникам, чтобы добраться от ворот сюда?

– Быстро доскачут. Надо пеший отряд уничтожить до их появления да стрелами татар встретить их же конников.

– Встретим, коли объявятся.

Татары между тем быстро сближались с оврагом, охватывали его с севера и запада. Подойдя на несколько десятков сажен, они остановились и спрятались в балках.

Григорий проговорил:

– Мыслью я, княжич, мурза совет устроил. Татары решают, как провести нападение.

– Лишь бы он разведку вперед не выслал. Тогда придется обходить их и нападать сбоку.

Мурза Юнус был льстивым и гибким политиком, но военачальником оказался плохим. Он не выслал вперед разведку, а повел татар в атаку. Его нукеры по команде поднялись, приготовили луки и без привычного улюлюканья, тихо бросились к оврагу. Они подскочили к его краю и застыли в недоумении. Внизу никого не было.

Дмитрий воспользовался этой недолгой паузой.

Он вытащил из ножен саблю, поглубже надвинул на голову шишак, оправил кольчужную сетку, прикрывавшую щеки, затылок, лоб, и крикнул:

– Ратники, вперед на басурман! Бей их, проклятых!

Княжич первым выскочил в поле. До ближних татар было с десятков сажен. Русские вылетели из камыша неожиданно для казанцев. Первых нукеров срубили Дмитрий и Григорий. Пятерка Хмеля зашла неприятелю за спину и заставила его скатиться в овраг. На поле осталось с десятков татар. Посреди них столбом стоял растерявшийся мурза.

На врага навалились ратники Елизара Черного. Сверкнули сабли. Неожиданное нападение не позволило татарам пустить в ход луки, свое главное оружие. Кое-кто успел вытащить сабли, но пятеро воинов Черного с ходу порубили почти весь отряд.

Помогли им и люди Мухи, вышедшие на захват мурзы. Они перекрыли Юнусу и троим его нукерам путь к отступлению.

Воины Хмеля подхватили луки татар, порубленных наверху, и начали поражать стрелами тех нукеров, которые оказались внизу. Те пытались спастись от своих же стрел, но сделать это им не удалось. Ратники Хмеля спрыгнули в овраг и ножами добились татар, попавших туда.

Мурзу схватили и затащили в камыши.

Можно было уходить. Дмитрий вышел на открытое пространство и попал в поле зрения татарина, которого мурза Юнус на всякий случай отправил в камыши отдельным путем. Он видел, что произошло, решил убить предводителя русских, хоть как-то отомстить за своих товарищей и уже натянул тетиву.

Над Дмитрием нависла смертельная опасность, о которой он не имел ни малейшего представления. Но верный Григорий все увидел и бросился к княжичу. Он успел оттолкнуть Дмитрия в заросли и сам рухнул на землю. Стрела пробила кольчугу и вонзилась ему в спину.

Иван Хмель точно метнул сулицу. Она насквозь пробила казанца.

Дмитрий бросился к Григорию.

– Жив, Гриша?

– Да, жив, Дмитрий, только больно.

– Ты погоди, сейчас помогу. Надо наконечник вытащить из тела, иначе кровь внутрь попадет.

– Была бы стрела не отравлена!

– Даст Бог, все обойдется. Хмель! – крикнул он воину, убившему татарина, стрелявшего в Дмитрия.

– Да, княжич!

– Помоги.

– Сейчас. – Он позвал ратника, с которым и подошел к Григорию, лежавшему у колен княжича. – Это Макар. Он знает, как лечить такие раны.

Макар снял с Григория кольчугу, разрезал рубаху, осмотрел место, в которое попала стрела, сломал древко и сказал:

– Надобно раскалить докрасна клинок, вырезать наконечник и прижечь рану. Для этого придется развести костер. Татары увидят его со стен и вышлют сюда крупное войско. Коли так будет, нам не уйти.

– Но и оставлять наконечник в ране нельзя. Ты вот что, протри нож, а я разожгу факел.

– Мы теряем драгоценное время, княжич, – проговорил Черный.

– А я, Елизар, теряю друга. Но ты прав, всем тут оставаться не надо. Забирайте мурзу и того татарина, который валяется у реки, и уходите в стан.

– А ты?

– А я останусь. Негоже бросать товарища, раненного на поле боя. Нет, не потому, что он спас мне жизнь. Просто не по-христиански это. Уходите, я сам вынесу Григория.

– Зачем ты так, княжич? Неужели подумал, что ратники смогут оставить вас и уйти? Мы тоже люди русские, православные. Знаем, что такое честь. Отряд будет ждать! Только я pošлю человека за конями.

– Посылай.

Елизар Черный отошел от Дмитрия. Княжич разжег факел, раскалил клинок. Макар вырезал наконечник.

Ургин засунул его в сумку, прижег рану и сказал:

– Ну вот пока и все. Теперь можно везти раненого в стан. Ты как, Гриша?

– Ничего, Митрий, с Божьей помощью встану.

– Больно?

– Пустое. Потерплю.

Подшли Шляга, Гроза. Булгак пригнал табун. Ратники оседлали коней. Дмитрий положил перед собой Григория. Мурзу забрал Черный.

Ургин отдал команду:

– К реке, братьцы!

Отряд поскакал к Казанке, где был оставлен Степановым старший татарского сторожевого поста. Конники подобрали его и рванули к стану.

Отряд княжича никто не преследовал. Со стен крепости лучники выпустили с десятков стрел, но те упали с большим недолетом.

К рассвету Дмитрий вывел свое войско к стану, где его встретил отец, воевода Михаил Иванович Ургин.

Он принял на руки раненого Григория, передал его Родиону, обнял сына и спросил:

– Ну как, Митя, твой первый боевой поход?

– Мы сделали что смогли, отец!

– Что смогли? Да такого никто не сделал. Сразу двух пленных взяли, среди них мурзу Юнуса, да отряд татар вчистую разделали. Ты людей при этом сберег.

– Григория ранило. Если бы не он, не встретились бы мы, батюшка. Гриша на себя вражескую стрелу принял, пущенную в меня.

– Гришу лекарь осмотрит. Он отлежится и встанет. Моя благодарность ему еще впереди. Пойдем в шатер, расскажешь о походе. Мне перед князем Бельским ответ держать. Думаю, он будет доволен и тебя наградой не обойдет.

– Я не за награды воюю, отец.

– Знаю, но отказываться от них не следует, если заслужил. Как ты решился засаду на татар устроить? Молодец!

Князь Ургин с сыном прошли в шатер воеводы. После разговора с ним Дмитрий навел Григория, жизни которого не угрожала опасность. Затем княжич обмылся водой, подогретой Родионом, слугой отца, и крепко уснул.

Двадцать восьмого числа русское войско переправилось через Волгу и расположилось при реке Казанке. Воеводы дожидались подхода стругов Палецкого и конницы Хабар Симского, в которой находился и Федор Колычев.

Но вскоре до войска дошла молва о том, что во время ночной стоянки у Малого Сундыря татары с высокого берега атаковали струги. Они захватили девяносто крупных судов, перебили их экипажи, забрали продовольствие и пушки.

Одновременно был уничтожен и конный отряд, сопровождавший струги. Раненый воевода умер на третий день в руках врагов. Ходили слухи о том, что крупные силы Сафа-Гирея встретили конницу Симского у реки Свяги, притока Волги. В полках князя Бельского это известие вызвало чуть ли не панику.

Участились набеги казанцев на стан русского войска. Кто-то из воевод предложил начать отступление, пока еще оставались силы. Но, к счастью, слухи о разгроме конницы не подтвердились. Воины боярина Симского наголову разбили чувашей и татар, захватили множество пленных и 15 августа вышли к Волге.

Их появление резко изменило общую обстановку. Русские войска наконец-то обложили Казань. Возобновили обстрел крепости и пушки Бельского. Но на штурм воеводы так и не пошли. Татары запросили мира.

Бельский обрадовался такому исходу дела и приказал снять осаду. Войска не могли выдерживать голод. Главный воевода отдал приказ готовиться к возвращению на родину.

Дмитрий часто навещал Григория. Он отправился к нему и семнадцатого августа.

Ургин-младший вышел из шатра и тут же попал в крепкие объятия Федора Колычева.

– Наконец-то я нашел тебя, Дмитрий. Здравствуй, друг!

– Федька? – с радостным удивлением воскликнул Ургин. – Здорово! Откуда ты взялся?

– Так мы стоим недалеко от полка твоего отца. Мне многое рассказали о тебе, о том, как ты отряд в тыл врага водил, побил множество казанцев, в плен мурзу взял. Еще больше разговоров о том, что ты Григория Тимофеева на себе с поля боя вынес. За это люди крепко тебя уважают.

– Да я что. Ты-то как? Я как узнал, что конницу Хабар Симского встретили татары, так места себе не находил. Думал о том, что с тобой будет.

– Мы дважды бились с чувашами и татарами и разгромили их конницу на Итяковом поле.

– Ты тоже в бою был?

– А как же, Митя? – Федор рассмеялся. – Я же конник, а не воевода, чтобы со стороны битвой руководить. Это ты тут в начальниках ходишь.

– Но под боком у батюшки не отсиживаюсь.

– Знаю. Как я рад видеть тебя, Митя!

– И я рад, Федор.

– Куда собрался, если не тайна?

– Какая тайна? Шел проведать Григория. Ведь он мне жизнь спас.

– Да? А вот про это мне не известно. Расскажи.

– Пойдем, по пути расскажу.

Княжич и его друг боярин Федор Колычев направились к палатке, где лежали раненые.

А русские войска меж тем начали отход. Война закончилась, и победителя в ней не было.

Глава 4. Долгожданный наследник

*Радуйся, младенец Грозный, для врагов
Христа рожденный;
Радуйся, народом тако же с пленок
самых нареченный;
Радуйся, молитвами старцев и народа
для Руси испрошенный;
Радуйся, родителям и нам от Господа с грозою
очищающей подаренный.*

Икос I из акафиста Благоверному Богом венчанному Царю Иоанну Грозному

Великий князь Василий не находил себе места в палатах дворца, расположенного в селе Коломенском. Сегодня, 25 августа 1530 года от Рождества Христова, Елене, его молодой супруге, беременной на последнем месяце, стало плохо во время прогулки в яблонево́м саду.

Прежняя супруга Василия не могла родить наследника, и он вынужден был порвать узы брака. В ноябре 1525 года с одобрения церкви состоялся развод великого князя и Соломонии, которая приняла пострижение в Рождественском девичьем монастыре. В январе 1526 года Василий женился на Елене Глинской.

Конечно, хворь может неожиданно настигнуть каждого человека. Продует ветерок или сквозняк, замочит дождь, и недуг тут как тут. Особенно у малых детишек да баб. Это не страшно, бывает, но проходит. Знахари помогут. Отваром напоят, уложат на лавку под шубы или тулупы, просто пошепчут на ухо, немощ и уйдет.

Но сегодня дело особое. Жена, молодая красавица Елена, носила под сердцем долгожданное дитя Василия и вот-вот должна была разродиться. Потому-то и испугался великий князь, когда его супруга вдруг побледнела, охнула, припала к яблоне, бросившей ей в ладонь свой спелый плод, и начала оседать. Яблоко по траве покати́лось к реке. Василий подхватил жену и велел прислуге срочно кликнуть повивальную бабку, проживавшую во дворце вторые сутки.

Великий князь не боялся ни татар, ни литовцев, ни тех ворогов, которые еще хуже. Они всегда рядом, норовят услужить, разбрасывают лесть зернами ржи, мыслят одно, молвят другое, делают третье, носят за пазухой камень, выжидают момент бросить его в висок тому, перед кем паскудно стелются. Такие мать родную продадут, лишь бы с того займешь себе какую-никакую выгоду.

Никого и ничего не боялся Василий. Даже смерти. За свою непростую, долгую жизнь он не раз острой саблей отбивал от себя ее костлявую руку. А тут испугался. Роды начались, а рядом только он да слуги, толку от которых в бабьих делах никакого. Да и сам князь сделать ничего не мог, разве что поддержать супругу, пронзенную болью. Но бабы прибежали быстро, окружили Елену. Появилась и повитуха Фекла, которую чаще звали Демидовной.

– Чего застыла! – крикнул Василий. – Или ослепла? Не видишь, княгине плохо?

– Отойдет, – невозмутимо ответила повивальная бабка. – Отведут в палаты, там оклема-ется.

– А как же роды?

– Всею свое время, великий князь! Для супруги твоей оно еще не настало.

Слуги под руки провели во дворец бледную Елену, лицо которой искажали муки.

Василий повернулся к бабке.

– Все ли у тебя готово к родам, Демидовна? Не испытываешь ли какой нужды? Может, подвезти чего надо? Мы это быстро.

– Не суетись, великий князь. Я не первые и, даст Господь, не последние роды принимаю. Жена твоя, конечно, знатного рода, но и она обыкновенная баба. На Москве, по всей Руси, по всему миру, что сотворил Господь, бабы каждый день рожают. И ничего! Ты по городу ездешь, видишь, сколько малых ребятишек на улицах? Так что не беспокойся, и Елена разродится.

– А коли девочка будет?

– На то, великий князь, воля Божья!

– Воистину так, но мне, всем нам нужен наследник.

– Так молись, и Господь не обделит тебя милостью.

– Денно и ночью молимся о том. Мне бы сейчас Елену повидать.

– Давно ли расстались? Нельзя, великий князь.

– Всего на мгновение, Демидовна!

– Сказано – нельзя, значит, нельзя. К родам готовить ее будем. В баньку, как принято, сводим.

Василий повысил голос:

– Мне, великому князю, и нельзя? Ты соображаешь, что говоришь, бабка?

– Коли тебе ведомо, что делать, когда супруге пора придет, то ступай в родильную палату.

Перечить не буду, потому как ты государь, и все мы в твоей власти.

– Ладно, – сдался Василий, сознавая свою неправоту. – Иди к княгине, бабка, и помни, родится сын, ты первая познаешь мою щедрость.

Демидовна кивнула, поклонилась и поднялась по лестнице во дворец.

Василий вздохнул, протер рукавом вспотевший лоб, поднял глаза к голубому, без единого облачка небу. Хотел произнести молитву, но услышал сзади спешные шаги и обернулся. От деревянной церкви, посвященной Георгию Победоносцу, к дворцу торопился инок.

Он подбежал к Василию, поклонился в пояс:

– Позволь сказать, государь.

– Ну?

– Князь Михайло Ургин в село прибыл.

– И где же он?

– У заставы. Ты же велел к дворцу никого не пускать.

– А что, много народу пожаловало?

– Я видел несколько боярских повозок да двух всадников в дорогих одеждах.

– Недовольны приезжие были?

– Того не ведаю. Стража не пропустила, они обратно на Москву подались.

– Передай страже, князя Ургина пустить!

Инок вновь поклонился и побежал к въезду в Коломенское.

Вскоре из-за церкви к Василию подошел князь Ургин, оставивший коня прислуге.

– Многие лета тебе, князь Василий, – сказал он, склонив голову.

– Здравствуй, Михаил Иванович. Рад видеть тебя.

– Зачем звал меня, великий князь? Дело какое есть?

– Невмоготу мне тут одному, Михаил Иванович. Сердце рвет разные тревожные предчувствия, места себе не нахожу. Никого, кроме тебя, видеть не желаю.

– Разве митрополит не с тобой?

– Здесь. В храме молится.

– Твое состояние мне понятно. Сам маялся, когда ждал рожденья Дмитрия. Ожидание, оно хуже всего. Зато потом радости будет много.

– Будет ли? Ладно, чего мы с тобой на улице?.. Пойдем в палаты.

– Воля твоя. Пойдем.

Великий князь и Михаил Иванович Ургин прошли во дворец.

Василий встал у окна и сказал:

– Расскажи мне, Михаил Иванович, что нового на Москве

– С виду все как обычно, – ответил Ургин. – Только приезжих довольно много. Понятное дело, в Москву всегда валом валят купцы и простой люд, но теперь к нам пожаловали и удельные князья, и воеводы. Вся Русь, весь народ ждет рождения наследника.

– Все, да не все, – проговорил Василий, сжав губы, и без того тонкие. – Есть и те, кому наследник ножом острым поперек горла встанет. Они уже уверовали в то, что у меня не может быть детей, смотрели на престол как на близкую добычу. Ты знаешь, о ком я говорю.

– Знаю, великий князь.

– А я не могу передать власть своим братьям даже на время. Они и своих-то уделов устроить не могут. Если не родится наследник, скажи, Михаил Иванович, кому тогда править на Руси? Вот что давно не дает мне покоя. Потому и трепещу. Одному Господу ведомо, кто у нас родится. – Василий прошелся по палате и продолжил: – Мы с Соломонией долго ждали, что она понесет ребенка. Но тщетно. Каково мне было в сорок шесть годов убедить Соломонию развестись и принять пострижение! Как тяжело далось ей согласие пойти на это ради великой цели! Потом, женившись на Елене, дочери князя Василия Львовича Глинского, я опять ждал ребенка. Но год проходил за годом, а Елена, как и Соломония, не могла забеременеть. Никто, кроме Бога, не ведает моих душевных мук, вызванных опасением, что и Елена останется бесплодной. Что мы с ней только не делали! Молились, объехали множество разных монастырей, но ничего не помогало. Я был в отчаянии, но Господь наконец-то услышал нас. Как сейчас помню, в ноябре прошлого года в Александровской слободе Елена поведала мне, что забеременела. Возрадовался я несказанно. Мы с ней тут же поспешили в паломническую поездку, посетили Переславль, Ростов, Ярославль, Вологду, Кирилло-Белозерский, Ферапонтов монастыри. Вся православная церковь молилась. Да тебе обо всем этом известно и без моих слов. Сейчас, сегодня все должно решиться. – Василий опустил на колени перед киотом и начал шептать молитву.

К нему присоединился и Ургин. Потом великий князь присел на лавку, застеленную дорогим ковром. Михаил Иванович встал у входа. В палату вошла женщина, одна из помощниц повитухи Феклы. Она принесла драгоценные украшения Елены – серьги, кольца, перстни.

– Вот, Демидовна просила отдать.

Василий поднялся и спросил:

– Что там у вас?

– Недолго тебе, государь, ждать осталось. Даст Бог, скоро разродится великая княгиня. – Женщина ушла.

Василий поднял голову к резному потолку.

– Господи, когда же наступит конец моим терзаниям? – Он тут же повернулся к Ургину. – Сил моих, Михаил Иванович, нет. Пройдусь до родильной.

– Нельзя, государь, – ответил Ургин. – Ждать надобно.

– Пойду! – упрямо заявил Василий и вышел в коридор.

Дверь в родильные палаты была приоткрыта, но увидеть, что происходило внутри, было нельзя.

Великий князь хотел уйти и тут услышал голос повивальной бабки:

– Отпирайте, отпирайте!

– Отперли, отперли, – отвечали ей женщины.

– Запрягайте, запрягайте!

– Запрягли, запрягли.

– Поезжайте, поезжайте!

– Едет, едет.

Откуда-то из угла палаты донесся стон Елены.

Бабка Фекла что-то делала, затем снова раздался ее тягучий голос:

– Я тебе, квашоночка, творю не с вечера до утра, так бы тебе, рабе Божьей Елене, мучиться один часок минутный. – Демидовна приказала помощнице: – Марья, заговори воду да дай испить ее роженице.

Стоны Елены усилились, и сердце великого князя сжалось. Супруг никак не мог ей помочь, повернулся от двери, пошел обратно, услышал пронзительные крики Елены, голоса бабки Феклы и ее помощниц. Нагнув голову, великий князь вошел в палаты.

– Началось, государь? – взволнованно спросил Ургин.

Беспокойство Василия передалось и ему.

– Кажись, с Божьей помощью началось. А вдруг не выдюжит?

– Выдюжит.

В это время по дворцу прокатился затянувшийся вопль роженицы. Почти тут же Василий и Ургин отчетливо услышали крик новорожденного.

– Господи! – воскликнул великий князь. – Неужто разродилась?

– Так слышать же, как дите плачет. Значит, разродилась.

Василий рванулся к родильной.

Навстречу вышла повивальная бабка Фекла, полотенцем вытирая оголенные до локтей сильные, не женские, совсем не старческие руки.

– Государь, с наследником тебя! – Демидовна улыбалась.

Василий застыл, глядя на нее.

– Что так смотришь, государь? Сын у тебя родился. Господь смилостивился. Радуйся, великий князь.

– Сын, – тихо проговорил Василий, еще до конца не осознавший слов Демидовны, затем пришел в себя, тряхнул седыми вихрами и крикнул: – Сын!

– Да что ты, что ты! Зачем кричать-то так?

– Ну, бабка, ну, Демидовна!..

Слова Василия прервал оглушительный удар грома. За окном пыхнула молния. Бабка аж присела.

– Чего это?

– Гроза, Демидовна! – воскликнул Василий.

А погода вдруг словно сошла с ума. Один раскат грома менялся вторым, третьим. Грохотало так, что бабка Фекла закрыла голову руками, отбросила полотенце и забилась в угол.

А Василий кричал:

– Любо! Пуцай все узнают, что у великого князя наследник родился.

К Василию подошел Ургин. Лицо его сияло.

– Поздравляю, государь!

– Спасибо! А что на улице творится!

– Такого я не видел еще. Молнии в реку, в леса, в поля бьют, стрелами рассекают небо, рассыпаются змеями до земли.

– Слышу звон, князь. Кто это такой смелый на колокольню в лихой час поднялся?

– Имя ему ветер, государь! Так кличут смельчака.

Василий возликовал:

– Воистину наследник престола родился. Под знамение Божье. Такой грозы на моей памяти не было.

– Не было! Сына-то, супругу после родов видел?

Василий посмотрел на Ургина, перевел взгляд на бабку Феклу.

– Ты чего в угол забилась, Демидовна? Государь желает видеть сына и жену.

– Ясно, что желает, только я встать не могу. От грохота ноги будто отнялись.

– Испугалась?

– Отродясь грозы боюсь, а тут светопреставление какое-то.

– Ничего! Это знамение Божье. Веди к жене. Или, может, с ней неладно? Чего молчишь, старая?

– Господь с тобой, государь, – проговорила бабка, поднимаясь. – Все ладно и с супружницей твоей, и с сыночком. Государыня хрупка с виду, но крепка. Как стекло заморское, кружевное. Кажись, пальцем тронь, на куски малые рассыплется, а оно на пол падает и ничего, цельное.

Очередной раскат грома сотряс дворец.

Демидовна охнула.

– Господи, спаси и сохрани! Что ж это такое?

– Не бойся.

Гроза прекратилась так же неожиданно, как и началась. Небо просветлело, затуманилось поволокой сумерек. Ветер стих, колокола перестали звонить.

– Слава тебе, Господи! Смилоствовался. – Бабка Фекла перекрестилась.

Василий спросил:

– За духовником послали?

– Послали, батюшка. Как прочтет молитву младенцу, родительнице да всем бабам, что при мне были, отнесем ребеночка в баньку. Там и взглянешь на него, великий князь.

– Я тотчас желаю видеть сына и жену.

– Не по обычаю, батюшка.

– Обычаи надо блюсти, но разве нельзя сделать исключение, бабка?

Демидовна вздохнула.

– Что ж, государь, пойдем, посмотришь наследника, на руках поддержишь, с государыней поговоришь. Оно не по обычаю, да ладно, вижу, извелся весь. Пойдем.

Василий повернулся к Ургину.

– Ты ступай в палату, Михаил Иванович, я скоро приду. Кликни дьяка с бумагой и пером.

– Слушаюсь, государь!

– Так-то вот! Я скоро. Все одно долго быть с женой и чадом бабы не дадут.

– Ступай, великий князь, не медли. Государыня тоже ждет тебя.

– Да!

Василий в сопровождении повивальной бабки вошел в родильную палату.

Елена, бледнее прежнего, устало улыбалась с постели. Марья поднесла великому князю младенца, завернутого в простую пеленку.

– Держи, государь, наследника.

Василий взял на руки хрупкое тельце ребенка.

– Сын! Волосы черные, ликом на меня похож.

Демидовна пришла в себя. Все ее страхи улетучились вместе с грозой.

– Младенец пока ни на кого не похож, разве что на ангелочка, – заявила она.

– А я говорю, похож, или, по-твоему, ослеп?

– Ты не шуми, государь, а то испугаешь ребенка.

– Он глядит на меня! Глазки черные, живые!

– Какими же им еще быть? Ну все, подержал и давай обратно. Нам ребятенка обмыть надо, спеленать. Пойди к супруге, государь. Давай дитя.

– Никак отпустить не могу, Демидовна.

– Давай потихоньку. – Повитуха забрала ребенка. – Вот так!

– Руки трясутся, Демидовна!

– Бывает, пройдет. Бабы, пошли отсель, – приказала Фекла помощницам.

Те удалились из палаты.

Василий бросился к постели супруги, встал пред ней на колени, прижал ее руки к лицу.

– Еленушка, нет слов, которыми можно выразить всю мою благодарность, любовь к тебе.

- Не надо ничего говорить, государь. Я и без слов все понимаю.
- Спасибо, горлица ты моя. Радость-то какая!
- И мне радостно, да сил нет. Устала я, государь.
- Конечно, после мук-то таких.
- Да муки эти сладкие, князь.
- А младенец на меня похож, что бы ни говорила бабка Фекла.
- Конечно! На кого ж ему еще быть похожим, как не на отца? – Елена говорила с трудом,

глаза ее закрывались.

В покои вошла Марья.

– Государь, роженице отдых требуется.

– А что это у тебя в ковше?

Женщина ответила:

– Отвар целебных, успокаивающих трав. Попотчует государыню, она и уснет.

– Ступай, государь, у тебя теперь дел много. Придешь на молебствие. Я отдохну, в порядок себя приведу, встану. И сыночек с нами будет. Счастье наше долгожданное!.. – проговорила княгиня.

– Да, Елена, конечно, отдыхай. Я рядом!

Василий поднялся, взглянул на помощницу бабки Феклы.

– Вы у меня смотрите тут!..

– Мы, батюшка, дело свое знаем!

– Если что, сразу ко мне!

– Без этого никак. – Мария улыбалась.

Василий поцеловал сухие губы супруги, вышел из родильной и вернулся в свою палату.

Рядом с Ургиным он увидел статного молодца, княжича Дмитрия Михайловича.

Тот поклонился и сказал:

– С радостью тебя, великий государь!

– Благодарствую. Всех нас с радостью. Ты в селе был или из Москвы приехал?

– Из Москвы, государь.

– Как там?

– Гроза сильно людей испугала. И началась-то ни с того ни с сего. Да какая! Тучи появились неведомо откуда и словно в бою сошлись, метали друг в друга молнии, палили из пушек.

– Пожара не случилось?

– Нет, Бог миловал. Ни в один дом молния не попала. Это удивило многих.

– Что еще?

– А еще, государь, как только гроза внезапно стихла, весть отсюда в Москву пришла. Уже кто передал, не ведаю, но народ прознал про рождение наследника. Сразу разговор пошел, мол, суровым, грозным будет этот государь, если в грозу на свет появился. Но более всего удивило народ чудо небесное.

– Что еще за чудо?

– Как только гроза кончилась, в небе крест появился. Я сам видел. Он светился, был как будто покрыт искрами. Люди на колени падали, молились. Потом крест расплылся в светлое облако и исчез. Я в то время у реки был. Поглядел на посад – везде люди. Тогда я услышал про рождение наследника и сразу же сюда отправился, как батюшка наказывал. Еще вот что удивительно. Ветер дул сильный, когда гроза разгулялась, а ни единого поломанного деревца ни в Москве, ни по пути сюда я не увидел, как ни вглядывался.

– Воистину чудеса, – проговорил Василий.

– Так Господь известил всех о рождении наследника русского престола, – сказал князь Ургин. – Большое и славное будущее ждет твоего сына. Уже при рождении Бог благословил младенца на великие дела. Этот день навечно сохранится в людской памяти.

На входе появился дьяк с писчими принадлежностями, поклонился в пояс.

– Звал, государь?

– Звал, Егор, входи! Садись за стол, готовь бумагу, перья. Указ писать будешь.

– Слушаюсь, великий князь. – Дьяк устроился за столом, поднял глаза на Василия.

– Готов?

– Да, государь.

– Пиши!

Василий, отмеривая шагами пространство палаты, начал говорить о том, что в грозу, в четверг, 25 августа года 1530 от Рождества Христова, в 7 часов вечера у него родился наследник, коего нарекли Иваном в честь его великого деда. В ознаменование этого события великий князь приказывал раздать значительные суммы денег бедным и убогим, отпустить на волю разбойников, томящихся в тюрьмах, которые не запятнали себя кровью невинных жертв, снять опалу с многих бояр. Василий объявил три дня всеобщим праздником.

Дьяк усердно писал. Когда указ был готов, великий князь скрепил его своею печатью. Он распорядился с утра отправить на Москву гонцов, дабы они зачитали документ духовенству, воеводам и всему населению. Василий приказал передать радостную весть в ближние и дальние уделы, выделить из казны средства, необходимые для этого.

Он отпустил дьяка и обратился к Дмитрию Ургину:

– Наслышан я, княжич, о твоих подвигах под Казанью, о том, что крепко стоишь за нашу веру. Слышал и о твоей честности. Ты достойно продолжаешь дело отца, доблестного князя Михаила Ивановича. Это мне любо и весьма дорого. То, что родился наследник – благодать для народа, радость. Но ребенок должен выжить. Если хворь какая приключится, младенца поразит смертельный недуг, то это одно. Значит, такова воля Божья. Мы должны будем принять ее как должное. Но если кто-то замыслит сжить со свету наследника, то это другое. Против воли Божьей мы бессильны, но защитить наследника от врагов должны непременно, даже ценой собственной жизни. Да, есть ратники, которые оберегают меня и великую княгиню. Причин не доверять им у меня нет, однако теперь многое изменилось. Поэтому я думаю, что надо установить особую охрану наследника. Поручить начальство над ней я могу только тому человеку, которому верил бы как самому себе. В отце твоём, Дмитрий, я никогда не сомневался, значит, и в тебе. Поэтому ты и станешь начальником особой стражи.

Ургины переглянулись. Подобного предложения не ждали ни Михаил Иванович, ни Дмитрий.

– Для меня это большая честь, государь, – немного растерянно произнес Дмитрий. – Только неожиданная. Оттого и сомнения. Справлюсь ли? В том, что за наследника жизни не пожалею, не сомневайся, но вдруг не смогу оправдать твое великое доверие?

– У тебя есть надежные, проверенные люди?

– Найдутся.

– Сколько?

– Человек тридцать.

– Столько не требуется. Подбери, Дмитрий, десяток воинов, но самых лучших, преданных.

– У меня все люди надежные, да и воины отменные. Тот же, к примеру, Григорий Тимофеев, сын покойного кузнеца Драги, брат супруги моей Ульяны, дядя сына моего Алексея. Он под Казанью, не раздумывая, закрыл меня от вражеской стрелы.

– Слышал о том! Князь Бельский рассказывал. Договоримся так, Дмитрий. Ты подберешь людей и каждого ко мне явишь. Тогда же получишь и грамоту, в коей будут прописаны такие полномочия, коих при мне не имел никто. Права дам тебе большие, но за жизнь и здоровье наследника головой будешь отвечать, как и все твои люди из особой стражи. Согласен ли ты принять мое предложение?

Дмитрий ответил твердо:

– Коли того требует будущность Руси и ты, государь, готов доверить мне самое святое для себя, то ответ мой может быть одним: да, согласен.

– Ну и хорошо. – Василий повернулся к Ургину-старшему. – А ты, Михаил Иванович, помогай сыну. Немного у меня людей, с которыми вот так, как с вами, могу говорить откровенно.

– Не беспокойся, великий князь. Ты всегда можешь полностью положиться на нас.

– Разве были бы вы здесь в такой день, если бы я сомневался в вас? – Василий прошел к окну, открыл его. – А дышится-то как легко! Покойно становится на душе.

– Не напрасно же народ верит, что гроза убивает нечистую силу, – сказал князь Ургин. – Как гласит предание, каждый удар грома уничтожает одного дьявола. Чем сильнее гроза, тем больше погибает всякой нечисти. Оттого и воздух становится чище, и покой заполняет душу.

– Гром, гроза – проявление Божьего всемогущества, – поддержал разговор Василий. – Гроза внушает страх перед Богом, а он дает свободу пред людьми. Для русских грех страшнее смерти. Гроза избавляет от него, очищает душу, оттого и почитаема на Руси. Тем значимее знамение Господне, рождение сына в грозу и чудеса, сопровождавшие это. Однако темнеет. Пора вам домой возвращаться. Завтра на праздник людей отпустите!

– Может, мне и сегодня здесь, во дворце, остаться? – предложил Дмитрий.

Василий улыбнулся.

– Твое рвение похвально, Дмитрий, но оставаться в селе нет надобности. Поезжай с батюшкой на Москву и займись стражей. Чем быстрее соберешь людей, тем лучше.

– Сделаю, государь.

– Благодарствую за то, что были со мной в тяжелую минуту. Езжайте с Богом.

Ургины попрощались с Василием и выехали в Москву. После похода на Казань прошло шесть лет. Князь Ургин овдовел. Дмитрий с Ульяной и четырехлетним сыном жили вместе с Михаилом Ивановичем. Им по-прежнему служил Родион, сильно постаревший.

Дружба Дмитрия с Федором Колычевым из года в год только крепла. Не было такого дня, чтобы друзья не встречались. Но сегодня Ургин-младший проехал мимо дома Колычева. Ему надо было обдумать неожиданное предложение великого князя, пред тем как обсудить его с мудрым Федором. Дмитрий решил поговорить с другом завтра.

Ему надо было встретиться и с Григорием Тимофеевым. Тот мог и сам ранним утром приехать к Ургинам. Григорий похоронил отца и остался в доме, у ворот которого Дмитрий когда-то повстречал Ульяну.

С утра Москва праздновала. В храмах служили благодарственные молебны за здоровье новорожденного. Народ радовался появлению на свет наследника и высыпал на улицы города. Погода стояла превосходная, солнечная, теплая. Люди вспоминали вчерашнюю грозу и поистине чудесные явления, сопровождавшие ее. Особенно светящийся крест, внезапно появившийся на небе.

На праздник собралась и семья Ургиных. Родион подготовил повозку для Ульяны и Алексея, оседлал коней князя и Дмитрия. Все было готово к выезду, когда у ворот дома остановился всадник. Федор Колычев поздоровался с Михаилом Ивановичем, Ульяной, Дмитрием.

Ургин-младший спросил друга:

– Почему не празднуешь вместе с семьей?

– Матушка приболела, батюшка при ней. Потому и решил к вам заехать.

– А братья?

– Они сами по себе. Слышал я, Дмитрий, что вчера вы с Михаилом Ивановичем были в Коломенском.

– Быстро же слухи по Москве расползаются! Да, в Коломенском я был. После грозы. Батюшка же уехал к великому князю раньше.

– Представляю, как он волновался и радовался после рождения наследника.

– А то! Я застал его в радости.

– Слава Богу, наконец-то свершилось то, о чем молился весь народ православный. А скажи, Дмитрий, ты сам наследника видел?

– Нет. И батюшка не видел. Знаю, что роды прошли благополучно, младенец без изъянов, здоров. Хорошо, Федор, что ты заехал. Разговор у меня к тебе есть.

– Так в городе и поговорим.

– Нет. Он не для посторонних ушей. Погоди. – Дмитрий подошел к отцу, гладившему морду своего коня. – Батюшка, вы езжайте, а я останусь.

– Почему, Митя?

– Наказ государев исполнять надо, собирать особую стражу. Вот и Федор кстати подъехал. Кому в ней быть, если не ему?

– Что ж, государь поручил тебе серьезное дело. Оставайся, коли оно того требует.

– Я тебя вот о чем попрошу, батюшка. Григорий обязательно вас найдет. Передай ему, пусть сюда едет.

– Встретимся, передам.

– Вот и хорошо. – Дмитрий подошел к повозке, где сидели Ульяна и Алексей, их сын. – Ты прости меня, Уля, но я должен остаться. С батюшкой в город езжайте.

– Уж не беда ли какая приключилась у Федора в нынешний радостный день?

– Нет! Матушка его, правда, приболела, но это еще не беда. Нам с ним дела кое-какие сделать надобно.

– Что за дела, Митя? Ты раньше ничего не скрывал от меня.

– И теперь не скрою. Но расскажу о них тогда, когда право иметь буду.

– А сейчас не имеешь? – Ульяна удивленно посмотрела на мужа.

– Сейчас, голубка моя, не имею. Батюшка посвящен в дело, но и он ничего сказать не может. Не допытывайся. Придет время, ты все узнаешь.

Супруга Дмитрия вздохнула.

– Такова наша бабья доля.

– Ты расстроилась?

– Я хочу, чтобы ты всегда был рядом, но разве такое возможно? Нет. А на нет и суда нет. Алешка с утра хочет на качелях покататься да медведей посмотреть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.